

Александр Амфитеатров

Паутина

«Public Domain»

1912

Амфитеатров А. В.

Паутина / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1912

«Весною 190* года, въ холодныя и дождливыя сумерки, по тихой окраинной улицѣ очень большого губернскаго города тихо пробирался, – щадя свои резиновыя шины отъ колдобинъ и выбоинъ мостовой и осторожно объѣзжая лужи, которыя могли коварно оказаться невылазными провалами, – щегольской „собственный“ фаэтонъ, везомый парюю прекраснѣйшихъ гнѣдыхъ коней въ строжайшей вѣнской упряжкѣ, но съ русскимъ бородатымъ кучеромъ-троечникомъ на козлахъ. Сочетаніе получалось смѣшное, но экипажъ принадлежалъ мѣстному руководителю модъ, настолько признанному въ авторитетѣ своемъ, что не только никто изъ встрѣчныхъ прохожихъ и проѣзжихъ господъ интеллигентовъ, но даже ни единый изъ дворниковъ у воротъ, либо верхомъ на доживающихъ вѣкъ свой, архаическихъ тумбахъ, и лавочниковъ въ дверяхъ лавокъ своихъ, ни единый и никто не смѣялись...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I	5
II	15
III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александръ Амфитеатровъ

Паутина

*Поэту житейской правды
Александру Ивановичу КУПРИНУ
съ дружествомъ
и любовью посвящаю этотъ романъ,
Александръ Амфитеатровъ.*

I

Весною 190* года, въ холодныя и дождливыя сумерки, по тихой окраинной улицѣ очень большого губернскаго города тихо пробирался, – щадя свои резиновыя шины отъ колдобинъ и выбоинъ мостовой и осторожно объѣзжая лужи, которыя могли коварно оказаться невылазными провалами, – щегольской «собственный» фаэтонъ, везомый парой прекраснѣйшихъ гнѣдыхъ коней въ строжайшей вѣнской упряжкѣ, но съ русскимъ бородатымъ кучеромъ-троечникомъ на козлахъ. Сочетаніе получалось смѣшное, но экипажъ принадлежалъ мѣстному руководителю модъ, настолько признанному въ авторитетъ своемъ, что не только никто изъ встрѣчныхъ прохожихъ и проезжихъ господъ интеллигентовъ, но даже ни единый изъ дворниковъ у воротъ, либо верхомъ на доживающихъ вѣкъ свой, архаическихъ тумбахъ, и лавочниковъ въ дверяхъ лавокъ своихъ, ни единый и никто не смѣялись. Напротивъ, всѣ провожали фаэтонъ взглядами одобренія и зависти: вотъ это, дескать, шикъ такъ шикъ! Смѣшно было, кажется, только самому хозяину фаэтона, губернскому Петронію, *arbitre elegantiarum*. То былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, съ огромною головою, покрытою превосходнымъ парижскимъ цилиндромъ, – *haut de forme*, а *huit reflets*, – а ниже сверкали подъ золотымъ пэнснэ умные, живые, семитическіе глаза, бѣлѣлъ тонкій длинный носъ малокровнаго больного человѣка, и роскошнѣйшая черная борода спускалась по груди на... русскій армякъ тончайшаго англійскаго сукна, украшенный... значкомъ присяжнаго повѣреннаго!..

– Вендль шикуетъ, – сказалъ, глядя на страннаго господина въ странномъ экипажѣ, изъ-за гераней, заростившихъ кособокиа окна низенькой столовой, учитель городского, имени Пушкина, училища, Михаилъ Протопоповъ.

Тогда тощая, на зеленую кочергу похожая, жена его сорвалась изъ-за стола съ самоваромъ и бросилась къ окну, оставивъ безъ вниманія даже и то обстоятельство, что тяжело шмякнула о полъ дремавшаго на ея колѣняхъ, любимаго желтаго кота.

– А-а-а... скажите, пожалуйста... а-а-а..., – стонала она, покуда, медленнымъ и граціознымъ движеніемъ, точно танцуя на своихъ четырехъ колесахъ классическій босоногій танецъ какой-нибудь, эластически влачился мимо оконъ учительскихъ безукоризненный вѣнскій экипажъ. – Ну, до чего-же, однако, люди въ прихотяхъ своихъ доходятъ!.. удивленія достойно... а-а-а...

Супругъ внимательно гладилъ кустистую рыжую бороду и, не то съ сожалѣніемъ, не то съ умиленною гордостью, повторялъ:

– Шикуетъ, Вендль, шикуетъ... Жжетъ батькины денежки... Только, братъ, дудки! Сколько ни состязайся, Эмильки тебѣ не перешиковать...

Супруга безпокойно оглянулась на дверь въ кухню и, убѣдившись, что она плотно заперта, сказала мужу съ упрекомъ:

– Ты бы, Михаилъ, потише...

– А что? – присанился учитель Протопоповъ, услышавъ въ голосъ жены привычную ноту житейскаго трепета, на которую онъ, въ качествѣ мужчины, интеллигента и выборщика, долженъ приготовить привычную же ноту мужественнаго гражданскаго протеста. – Что я сказалъ особеннаго? Кажется, ничего.

– То, что нехорошо: какая она намъ съ тобою Эмилька? Не сломаешь языкъ назвать и Эмилией Ѳедоровной.

– Очень надо! Не велика пани. Обыкновеннѣйшая помпадурша изъ сочиненій Щедрина.

– Ужъ этого я не знаю, изъ какихъ она сочиненій, но только Воздуховъ вылетѣлъ изъ-за нея со службы по телеграммѣ изъ Петербурга. А потомъ едва уклоняли ее, чтобы генераль-губернаторъ простилъ, оставилъ его въ предѣлахъ губерніи. А Воздуховъ былъ не тебѣ чета: податной инспекторъ, со связями, свой домъ...

Учитель Протопоповъ взглянулъ на жену съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ ея бабьему робкому разуму и возразилъ:

– Сравнила! Воздуховъ гулялъ передъ ея окнами въ пьяной обнаженности и, съ мандолиною черезъ плечо, спѣлъ ей испанскую серенаду. Это публичный скандалъ и притомъ было среди бѣлаго дня. За это, братъ, кого угодно. Каковъ ни есть нашъ городъ, но голымъ ходить по улицамъ и на мандолинѣ бряцать податному инспектору не полагается... А я что-же? Я въ четырехъ стѣнахъ...

– А, вотъ, подслушаетъ кто-нибудь, – такъ и будутъ тебѣ стѣны.

– Ѳедосья, что-ли, донесетъ?

– А то нѣтъ? – зловѣще кивнула госпожа Протопопова лысоватымъ проборомъ бурыхъ и жиденькихъ волосъ своихъ. – Акцизный Ѳедоровъ черезъ кого въ политикѣ увязъ? Катька, горничная, любовника-сыщика имѣла. Ну, и обличилъ.

– Ну, тамъ политика... А я, кажется...

– То-то... кажется! – со вздохомъ заключила учительша, отходя отъ окна, такъ какъ интересный экипажъ уже исчезъ изъ виду за угломъ, и вновь подбирая на колѣни обиженнаго кота своего.

– Это Вендль опять къ Сарай-Бермятовымъ поѣхалъ, – сказалъ супругъ, присаживаясь къ самовару. – Часто ѣздитъ.

– Друзья съ Симеономъ Викторовичемъ-то, – почему-то вздохнула учительша, передавая мужу дымящійся стаканъ. – Съ университета товарищи.

– Товарищи! – недовѣрчиво ухмыльнулся учитель. – А я такъ думаю: онъ тамъ больше по барышенской части. Ты, Миня, не гляди на него, что онъ горбатый и, съ виду, въ чемъ душа держится. Этакого другого бабника поискать. Онъ, да еще вотъ Мерезовъ Васька. Два сапога пара – аѳинскія ночи-то устраивать.

– Для аѳинскихъ ночей извѣстно, кого нанимаютъ, – перебила учительша, не безъ досады. – А къ благороднымъ барышнямъ съ подобными пошлыми намѣреніями мужчина обратиться не можетъ. Это глупо и бесполезно – то, что ты говоришь. А ужъ въ особенности, что касается Сарай-Бермятовыхъ. Слава Богу, съ малолѣтства ихъ знаемъ. Аглаечка, конечно, красавица, и соблазнъ ей отъ вашей мужчинской козлячьей породы предстоить многій. Но характеръ у нея совсѣмъ не такой категоріи, чтобы какой-нибудь бабникъ вокругъ нея пообѣдалъ. Дѣвушка серьезная, – хоть Богу не молится, а живетъ святѣй иной монашенки. А Зоечка еще ребенокъ, – что ей? Много, если пятнадцать минуло... Да и собой нехороша.

– Ребенокъ-то ребенокъ, – возразилъ супругъ съ нѣсколько сконфуженною язвительностью, – но въ какой гимназіи этотъ ребенокъ воспитаніе свое получаетъ?

Госпожа Протопопова насторожилась:

– Извѣстно, въ какой: у Авдотьи Васильевны... Чѣмъ гимназія нехороша?

Протопоповъ захихикалъ надъ стаканомъ своимъ:

– Сегодня въ "Глашатаѣ" видѣлъ замѣтку, будто у китайцевъ въ Пекинѣ въ женской школѣ имени Лао Цзы открыта "лига любви"... Вотъ они каковы, ребенки то ваши!

Госпожа Протопопова, въ волненіи, поставила чашку на блюдце, всплеснула худыми руками и трепетно опустила ихъ на кота своего, который, сквозь дремоту, вообразилъ, будто его ласкаютъ, а потому пренѣжно замурлыкалъ. А Протопоповъ многозначительно сказалъ:

– То-то вотъ и оно то... Эмилиі Оедоровны школа... Прежде, чѣмъ въ помпадурши свихнуться, сколько времени она у Сарай-Бермятовыхъ гувернанткою была?... Ну-ка, посчитай.

Не получивъ отъ взволнованной супруги отвѣта, онъ вздохнулъ и продолжалъ, обжигаясь въ мѣрныхъ перерывахъ горячимъ чаемъ.

– Но, тѣмъ не менѣе, относительно Вендля я, дѣйствительно, такъ полагаю, что понапрасну мальчикъ ходить, понапрасну ножки бѣгать... Еще, если бы годъ, два тому назадъ, то, по тогдашней бѣдности Бермятовыхъ, можетъ быть, и очистилось бы ему что нибудь...

– Женатому то? – съ негодованіемъ воскликнула супруга, и костлявые пальцы ея непроизвольно вонзились въ кота съ такою силою, что тотъ взвизгнулъ и, хвостъ трубою, дернулъ отъ хозяйки, однимъ прыжкомъ, черезъ всю комнату, на триповый синій диванъ. – Женатому то? Да ты, Михайль, съ ума сошелъ! Ты въ развратномъ настроеніи ума!

Но Михайль вдругъ почувствовалъ подъ собою твердую почву и осѣнился вдохновеніемъ къ радикальнымъ идеямъ.

– Другъ мой Миня! – прочувствованно воскликнулъ онъ, – при нынѣшнемъ торжествѣ гражданского брака и расшатанности моральныхъ устоевъ, какое препятствіе можетъ быть бѣдной дѣвушкѣ въ дилеммѣ: ухаживаетъ за нею холостой женихъ или женатый претендентъ?... Теперь, конечно, все это – другой коленкоръ. Какъ скоро Симеонъ Викторовичъ отвоевалъ дядюшкино наслѣдство, – теперь, братъ, шалишь! Теперь дѣвицы Сарай-Бермятовы будутъ первыя по городу невѣсты... Поль-милліона, чистоганчикомъ, хватили Сарай-Бермятовы! Шутка! Теперь Аглаю съ Зоею женихи наши съ руками рвать будутъ...

– Наслѣдство прекраснѣйшее, – съ осторожностью замѣтила скептическая супруга, – но вѣдь Аглаи съ Зоей оно мало касается. Я слыхала такъ, что главный капиталъ назначенъ по завѣщанію ему – Симеону, а сестрамъ и прочимъ братьямъ оставлено всего по несколько тысячъ...

– Ну, все-таки! По нынѣшнимъ нашимъ губернскимъ временамъ, когда невѣста стала дешевая, а женихи вздорожали, – и то хлѣбъ!...

Тѣмъ временемъ Вендль – господинъ въ армякѣ и въ цилиндрѣ, возбуждавшій эти супружескіе – господъ Протопоповыхъ – разговоры, подѣхалъ въ вѣнскомъ экипажѣ своемъ съ русскимъ кучеромъ на козлахъ къ длинному, какъ казарма или больница, одноэтажному дому, за заборомъ съ гвоздями, надъ которымъ розгами торчали частые, еще безлистые тополя, а за тополями чернѣли стекла, далеко не всегда цѣлыми, далеко не весьма опрятныя окна. По деревяннымъ мосткамъ, вдоль забора этого, спѣшно шагаль высокій господинъ, тоже въ армякѣ и въ цилиндрѣ, точнѣйше скопированныхъ съ Вендля: только значка присяжнаго повѣреннаго не доставало, да матеріаль одежды былъ грубѣе и хуже, дешевенькій. Увидавъ Вендля, господинъ всею фигурою своею выразилъ и смущеніе, и гордость перваго счастливаго подражателя и гоголемъ шель мимо, пока не исчезъ въ сѣрыхъ сумеркахъ, которыя лишь теперь и очень вдали, въ туманномъ центрѣ города, подъ горою, начали пестриться электрическими фонариками. Вендлю стало совсѣмъ весело.

– Максимъ! – окликнулъ онъ кучера слабымъ, звенящимъ, дѣвичьимъ почти, голосомъ.

– Чего изволите? – откликнулся тотъ съ козель, не оборачивая бородатаго лица.

– Видѣлъ?

Тотъ помолчалъ и сказалъ:

– Видѣлъ.

– Хорошъ?

– Чего лучше!

Вендль залился тоненькимъ дробнымъ стекляннымъ смѣхомъ, грустнымъ, нѣжнымъ и переливчатымъ, – какъ тритоны звенять въ лѣтнихъ болотахъ.

– Выросъ въ соборную колокольню, а – увидалъ на горбунчикѣ Вендль цилиндръ и армякъ. – сейчасъ же и повѣрилъ, что такъ надо, и – давай себѣ!.. Экой дуракъ! Вотъ дуракъ! Ты не знаешь, кто такой?

Максимъ подумалъ и улыбочивымъ голосомъ отвѣтилъ:

– Да, кажись... какъ его, бѣса?.. Въ желѣзнодорожной конторѣ служить... Антифоновъ, что ли... песь ли ихъ разберетъ!

Вендль еще ярче залился смѣхомъ, отчего звукъ смѣха сталъ еще грустнѣе, и продолжалъ:

– Ну, скажите, пожалуйста! Антифоновъ!.. Поповичъ по фамиліи, а за жидомъ тянется... Если мы съ тобою, Максимъ, еще съ недѣлку поѣздимъ такъ по городу, ты увидишь: всѣ наши здѣшніе чудаки вырядятся намъ подобными гороховыми шутами... А? Максимъ?

Максимъ качнулъ кучерскою своею шляпою съ павлиньими перьями и отвѣчалъ равнодушнымъ басомъ:

– Стадо-народъ... Чего отъ нихъ ждать?... А ужъ вы тоже, Левъ Адольфовичъ! Только бы вамъ соорудить дурака изъ каждого человѣка...

– Развѣ я строю, Максимъ? – звенѣлъ тритоннымъ смѣхомъ своимъ Вендль. – Сами строятся... Я только произвожу опыты. Глупость и пошлость тутъ сами прутъ изнутри. Я только готовлю формы, да подставляю ихъ подъ кранъ. Какую форму ни поставь, сейчасъ же полна свѣрхъ краевъ. Развѣ же не смѣшно? Максимушко! другъ единственный! Знаешь, что я тебѣ скажу! Придумалъ я...

– Мало ль у васъ придумокъ, – усмѣхнулся въ бороду свою Максимъ.

– Собственно говоря, я вру. Собственно говоря, не придумалъ, но вычиталъ въ книжкѣ Эдгара По. Помнишь, мы однажды пили портвейнъ, и я читалъ тебѣ вслухъ "Паденіе дома Ашерова" – о братѣ, который нечаянно похоронилъ живую свою любимую сестру? Такъ вотъ этого же самаго писателя... Слушай, Максимъ! Давай – въ слѣдующемъ мѣсяцѣ – обваляемся въ пакль и шерсти и въ этомъ самомъ вотъ фаэтонѣ... или нѣтъ! чортъ съ нимъ! лучше съѣдимъ въ имѣніе къ Фальцъ Фейну и купимъ пару ѣздовыхъ страусовъ. Такъ больше стили: выѣдемъ двумя обезьянами, въ шерсти и пакль, на одноколкѣ, запряженной парой страусовъ.

– Эка васъ разбираетъ!

– Да вѣдь ты пойми, – завизжалъ Вендль, – ты пойми же, Максимъ: вѣдь – черезъ недѣлю послѣ того, ну, много двѣ недѣли, – въ городѣ не останется ни одного человѣка: однѣ обезьяны будутъ ходить... въ шерсти и пакль... однѣ обезьяны! Вѣдь это же надо будетъ умереть со смѣха.

– Полиція, чай, не позволить, – возразилъ Максимъ.

– Да, вотъ, развѣ что полиція! – пожалтъль Вендль.

Смѣясь и качая головою, вышелъ онъ, маленькій, горбатенькій, изъ экипажа и пошелъ къ калиткѣ каменныхъ, съ облупившеюся штукатуркою, воротъ, надъ которыми еще виднѣлись постаменты разрушенныхъ львовъ. Толкнулъ калитку ногою и, по кирпичному выбитому тротуару, направился, хромя, къ дворовому крыльцу того стараго, длиннаго, казарменнаго дома... Было оно съ навѣсомъ и сѣнцами, точно опущенная крыша громаднаго старомоднаго тарантаса.

Вендль давно зналъ, что въ этомъ домѣ не звонять и не стучать, а прямо входятъ, кто къ кому изъ обитателей пришелъ, ибо двери никогда не заперты, и обитателямъ рѣшительно все равно, когда, кто и какъ ихъ застанетъ. Изъ передней, гдѣ, на ворохѣ наваленнаго платья, весьма сладко спала довольно неприглядная дѣвчонка-подгорничная, которую приходъ гостя нисколько не потревожилъ, Вендль осторожно, изъ-за дверной притолоки, стараясь быть невидимымъ, заглянулъ въ залъ, откуда слышался бодрый шумъ юныхъ голосовъ, взрывы моло-

дого хохота. Съ дюжину молодыхъ людей – студенты въ тужуркахъ, молодые военные, офицеры и вольноопредѣляющіеся, въ дешевыхъ мундирахъ, барышни, похожія на курсистокъ и начинающихъ драматическихъ актрисъ, – сумерничали въ папиросномъ дыму вокругъ стола съ самоваромъ... Одинъ – длинноногій, не мундирный, въ очкахъ – влѣзъ на столъ и, съ серьезнымъ лицомъ жреца, отправляющаго таинство, зажигалъ висячую лампу-молнію, стоически вынося помѣху со стороны двухъ, не весьма красивыхъ дѣвицъ, которыя дергали его за ноги. Вендлю захотѣлось войти въ веселый кругъ рѣзвой молодежи. Но онъ вспомнилъ, что сейчасъ онъ пріѣхалъ въ этотъ домъ по серьезному дѣлу и, слегка вздохнувъ про себя, постарался остаться незамѣченнымъ и заковылялъ изъ передней не въ залъ, но въ длинный бѣлый корридоръ, опять таки говорившій не столько о жиломъ семейномъ домѣ, сколько о больницѣ или арестантскихъ ротахъ, либо казенномъ пріютѣ, что ли, какомъ нибудь для матросскихъ или солдатскихъ сиротъ.

Минувъ двѣ затворенныя двери, Вендль остановился у третьей и, на этотъ разъ, постучалъ. Отвѣта не послѣдовало, но, когда Вендль терпѣливо постучалъ во второй разъ, дверь распахнулась, и, на порогѣ ея, въ сильномъ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, появился самъ хозяинъ этого длиннаго, стараго, скучнаго дома – Симеонъ Викторовичъ Сарай-Бермятовъ. Нахмуренный и недовольный, что его потревожили, съ привычною сердитою складкою между густыми бровями, какъ черными пѣвками, на желтомъ лбу желчнаго, сорокалѣтняго лица, онъ нѣсколько прояснился, узнавъ Бендля. Черные, безпокойные глаза повеселѣли. Замѣтно было, что этотъ сухощавый, средняго роста, стройный брюнетъ когда то былъ очень красивъ, да еще и сейчасъ можетъ быть красивъ, если захочетъ, – несмотря на начинающую свѣтитися со лба лысину. Черты лица сухи, но благородны и почти правильны; только легкая расширенность скулъ выдаетъ старую примѣсь татарской крови. Голова на широкихъ плечахъ сидитъ гордо и мощно, движенія тѣла, въ красивомъ и изящно сшитомъ темно-синемъ, почти черномъ костюмѣ, смѣлы, сильны и гибки. Словомъ, былъ бы молодцомъ хоть куда, лишь бы избавились глаза его отъ тревожнаго выраженія не то гнѣва, не то испуга, точно человѣкъ этотъ – не то обдумываетъ преступленіе, не то только что сейчасъ укралъ у сосѣда часы и ищетъ въ каждомъ новомъ лицѣ сообщника, какъ бы ихъ спрятать. Подъ гнетомъ же этого выраженія, лицо Симеона Сарай-Бермятова производило довольно отталкивающее впечатлѣніе, особенно, когда правую щеку его начиналъ подергивать нервный тикъ. Подъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ его, принимавшимъ, по мѣрѣ его любопытства къ разговору, почти лихорадочный блескъ, становилось непріятно и тяжело, такъ что долгой бесѣды съ Симеономъ Сарай-Бермятовымъ никто почти не выдерживалъ. Въ обществѣ губернскомъ этотъ господинъ далеко не пользовался любовью. Вендль, одинъ изъ немногихъ, умѣлъ приблизиться къ этому непривѣтливому, нелюдимому, съ темною душою, существу. И Симеонъ Сарай-Бермятовъ тоже, по своему, любилъ Вендля, вѣрилъ ему, насколько умѣлъ, и почти всегда былъ радъ его видѣть.

Комната, въ которую Симеонъ ввелъ Вендля, была довольно неожиданна въ такомъ старомъ, некрасивомъ и облупленномъ снаружи домѣ, ибо наполняла ее не только большой и умѣлый, со вкусомъ сдѣланный, кабинетный комфортъ, но было даже не безъ претензій на хорошую дорогую роскошь... Вендль сразу замѣтилъ, что хозяинъ не весьма въ духѣ, и, какъ опытный врачъ этой мрачной души, сейчасъ же принялся "разрѣзать атмосферу". Медленно снимая армякъ свой, – онъ неугомонно звенѣлъ тритоннымъ своимъ смѣхомъ.

– Извини, Симеонъ Викторовичъ, что я вхожу въ твое святилище въ этой хламидѣ. Но – откровенно говоря: вестибюль вашъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что страшно оставить тамъ верхнее платье. Во первыхъ, ваша дѣвственница – какъ ее? Марѹтка? Михрютка? – имѣетъ обыкновение избирать пальто гостей ложею своихъ отдохновеній. Это еще не такъ важно, но дѣвственница – чудовище признательности. Всякій разъ, что она выпитая на моемъ плащѣ, она непременно, въ благодарность, оставляетъ въ немъ двухъ-трехъ клоповъ. А они потомъ выползаютъ здороваться съ публикою въ самые неожиданные моменты, нисколько не

заботясь, кстати они или нѣтъ. Въ послѣдній разъ было на скетингъ, – третьяго дня, благотворительный праздникъ въ пользу новорожденныхъ глухонѣмыхъ. Подлецъ выползъ на воротникъ и непремѣнно желалъ, чтобы я его представилъ генераль-губернаторшѣ, съ которою я велъ эстетическій разговоръ о превосходствѣ Брюсова надъ Блокомъ. Если-бы, не мое израильское происхожденіе, оно еще куда бы ни шло. Клопъ на россиянинѣ, – на тебѣ бы, напимѣрь, – это что-то даже стильное, патриотическое, истинно-русское. Но клопъ на нашемъ братѣ, жидо-масонѣ, это уже вызывающая претензія, персонажъ изъ буренинскаго фельетона. Затѣмъ: у васъ бывая, каждый разъ надо опасаться, что назадъ придется ѣхать, вмѣсто своего платья, въ попонѣ или одѣялѣ. О такой мелочи, какъ калоши, я уже не говорю. Твои собственные, кожаные, по ногѣ, непремѣнно должны исчезнуть неизвѣстно куда, а тебѣ, взамѣнъ, останутся неизвѣстно чьи резиновые драныя, одна съ литерой Д, а другая съ литерой О, которую, однако, надо почитать за Ю, потому что это, видите ли, у нея только палочка и хвостикъ отвалились отъ древности...

– Да, – отвѣчалъ съ досадою Симеонъ. Голосъ у него былъ глухой и мрачный, говоръ отрывистый, быстрый, угрюмо-вдумчивый, – скрытной и одинокой мысли голосъ. – Ты, къ сожалѣнію, правъ. У насъ вѣчный хаосъ. Безобразный и непристойный. А ужъ теперь, когда Аглая и ея вѣрная Анюта скитаются по пригородамъ, выискивая дачу, исчезъ послѣдній порядокъ, и повсюду въ домѣ совершенный цыганскій таборъ или даже адъ. Садись, пожалуйста.

Онъ пододвинулъ Вендлю кресла, въ мягкой кожѣ которыхъ тотъ, съ удовольствіемъ усталости, утопилъ горбъ свой. Оглядывая знакомую обстановку, Вендль остановилъ глаза на обновкѣ: великолѣпномъ книжномъ шкафѣ, еще безъ книгъ, краснаго дерева, въ стилѣ empire, съ бронзовыми колонками и каріатидками ручной работы, поддерживающими углы верхняго и средняго карниза.

– Ба! новый шкафъ?

– Новый.

– Хорошая вещь. Я третьяго дня на выставкѣ видѣлъ подобную модель.

Симеонъ съ довольнымъ видомъ ослабилъ, между черными, будто нарисованными, усами и такою же, чуть сѣдѣющею бородкою а І'Henri IV, два серпа превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ, острыхъ, сильныхъ, волчьихъ. Онъ былъ польщенъ, что Вендль, знатокъ въ вещахъ такого рода, одобряетъ его покупку.

– Да это та самая модель и есть, – сказала онъ, улыбаясь. – Когда покупалъ, мнѣ говорили, что ты хвалилъ. Потому и купилъ.

– Тысяча?

– Тысяча сто пятьдесятъ.

Вендль съ уваженіемъ склонилъ голову.

– Деньги-съ!

Симеонъ бросилъ на него подозрительный взглядъ, точно вдругъ усумнился въ искренности похвалы, и буркнулъ, нахмурясь:

– Пора и мнѣ пожить въ свое удовольствіе.

Вендль, улыбаясь, закурилъ сигару.

– Разумѣется... Отдыхай, братъ, отдыхай!.. Ты теперь, въ нѣкоторомъ родѣ, покоишься на лаврахъ... Сегодня былъ я у Эмилиіи Ѳедоровны. Говорила, что можно поздравить тебя съ окончаніемъ всѣхъ хлопотъ?

Симеонъ гордо выпрямился – такъ, что даже сталъ казаться большого роста:

– Да. Завѣщаніе дяди окончательно утверждено.

– Процессъ, значить, больше не грозитъ?

– Да, господинъ Мерезовъ остался съ носомъ.

– Удивительно это все!

Симеонъ посмотрѣлъ на него мрачными глазами, опять сдѣлался антипатиченъ и некрасивъ, уменьшился въ ростѣ и проворчалъ:

– Ничего нѣтъ удивительнаго,
– Ну, нѣтъ, Симеонъ, не скажи. Удивительнаго много. Въ клубѣ до сихъ поръ не хотятъ вѣрить, что все досталось тебѣ.

– Потанцовать я вокругъ дяденькина одра то! – угрюмо возразилъ Симеонъ.

– Да, – но Мерезовъ былъ фаворитъ, а васъ, Сарай Бермятовыхъ, покойникъ терпѣть не могъ, это всѣ знали.

Симеонъ поднялъ на Вендль взглядъ – торжествующій, ясный, ястребиный взглядъ хищника, зажавшаго въ когтистыя лапы свои неотъемлемую добычу.

– Вольно же дураку Мерезову, когда богатый дядя умираетъ, рыскать гдѣ то тамъ въ Монтекарло или по парижскимъ бульварамъ.

Вендль невольно отвелъ глаза. Жесткій, холодный взглядъ, тяжелый, хладнокровно ненавидящий голосъ нехорошо давилъ на его мягкую добродушную натуру. Презрѣніе этого грубаго побѣдителя къ простосердечному побѣжденному оскорбило его деликатность. Ему захотѣлось слегка наказать злые глаза за жестокость, голосъ за спокойствіе торжествующей ненависти.

– Обставился ты недурно, – насмѣшливо сказалъ онъ, – но одной вещицы у тебя въ кабинетѣ не хватаетъ.

– Именно? – насторожился Симеонъ.

– Хорошаго портрета Эмилиі Ѳедоровны Вельсь. Я бы, на твоемъ мѣстѣ, стѣнной закачалъ и рядомъ съ иконами его во весь ростъ въ кіотъ поставилъ.

Всѣ эти ироническія слова Симеонъ выслушалъ совершенно невозмутимо.

– Не спорю, подрадѣла она мнѣ вояжемъ своимъ, – равнодушно согласился онъ.

– А это правду рассказываютъ, – поддразнивалъ Вендль, – будто на вояжъ этотъ ты ей денегъ далъ, лишь бы она увезла Васю Мерезова?

Симеонъ такъ же равнодушно поправилъ:

– Не далъ, а досталъ. Это я теперь могу давать, а тогда нищій былъ. Она просила, я досталъ. А кто куда за чьимъ хвостомъ треплется, я знать не обязанъ.

– Да теперь и не все ли равно? – усмѣхнулся Вендль. – Побѣдителей не судятъ.

Симеонъ стоялъ у письменнаго стола, выпрямившись съ видомъ гордымъ и мрачнымъ, какъ вызывающій борецъ, который знаетъ, что публика его не любитъ и охотно ждетъ его пораженія, но ему все равно: онъ знаетъ свои силы и пойдетъ на арену бороться, на зло всѣмъ имъ, этимъ недоброжелателямъ.

– Я человекъ, можетъ быть, грубый, но прямой, – сказалъ онъ наконецъ. – Скрывать не хочу и не стану. Конечно, наслѣдство я фуксомъ взялъ. Завѣщаніе въ мою пользу дядя написалъ со зла, подъ горячую руку, когда Мерезовъ ужъ очень взбѣсилъ его своимъ безпутствомъ.

Вендль смотрѣлъ на него съ участіемъ.

– Ты пожелтѣлъ и тебя какъ-то дергаетъ, – замѣтилъ онъ.

Симеонъ пожалъ плечами.

– Любезный мой, – тономъ даже какъ бы хвастливаго превосходства возразилъ онъ, – я продежурилъ нѣсколько лѣтъ, а послѣдніе слишкомъ два года почти безвыходно, при больномъ, свирѣломъ старичишкѣ на положеніи только что не лакея. Это не сладко.

– Особенно при твоёмъ характерѣ.

– Каждый день, каждый часъ я дрожалъ, – говорилъ Симеонъ, и голосъ его, въ самомъ дѣлѣ, дрогнулъ на словахъ этихъ, – что дядя смѣнитъ гнѣвъ на милость, и господинъ Мерезовъ пуститъ меня босикомъ по морозу.

– Я не выдержалъ бы! – улынулся Вендль. – Чертъ и съ наслѣдствомъ!

– Два года я сидѣлъ, какъ въ помойной ямѣ. Только и глотнулъ свѣжаго воздуха, когда ѣздилъ въ Казань, по старикову же приказу, продавать домъ.

– Мерезовъ тогда былъ уже за границей? – послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ Вендль.

Симеонъ опять пожалъ плечами: какъ, молъ, этого не понимать?

– Развѣ иначе я рискнулъ бы уѣхать? И то лишь потому рѣшился, что могъ приставить къ кладу своему надежнаго дракона.

– Любезновѣрную Епистимію? – засмѣялся Вендль.

– Да. У нея къ фамиліи нашей – собачья привязанность.

– А къ тебѣ наипаче?

Симеонъ тоже удостоилъ улыбнуться,

– Ко мнѣ наипаче.

– Шаливали смолоду-то, – я помню!

– Студенческихъ дней моихъ утѣшительница! – презрительно скривился Симеонъ.

Вендль вздохнулъ.

– Романтизмъ этотъ въ ихней сестрѣ какъ-то долго живетъ.

Симеонъ согласно двинулъ бровями.

– И въ дѣвкахъ-то изъ-за меня осталась. Горда была, что съ бариномъ любила, такъ не захотѣла уже итти въ чернь.

Примолкли, и оба долго слушали тихій, мягкій бой столовыхъ французскихъ часовъ, изображавшихъ Сатурна, тоскливо махающаго надъ Летою маятникомъ косою, каждый отдѣльно думая свои отдѣльныя думы.

– Ты въ ней вполнѣ увѣренъ? – возвысилъ голосъ Вендль, и было въ тонѣ его нѣчто, заставившее Симеона насторожиться. Онъ подумалъ и отвѣчалъ медленно, съ разстановкой:

– Вполнѣ вѣрить я не умѣю никому.

Примолкли. Симеонъ ждалъ, а Вендль конфузился.

– Объ этой казанской поѣздкѣ твоей сплетни ходятъ, – нерѣшительно намекнулъ онъ, наконецъ. Симеонъ пренебрежительно отмахнулся.

– Знаю. Чепуха.

Но Вендль ободрился и настаивалъ.

– Увѣряютъ, будто старикъ въ твое отсутствіе переписалъ-таки завѣщаніе въ пользу Мерезова.

– Гдѣ же оно? – усмѣхаясь, оскалилъ серпы свои Симеонъ.

– То-то, говорятъ, твою Епистимію надо спросить.

Послѣдовало молчаніе. Сатурнъ стучалъ надъ Летою косою. И когда онъ достучалъ до боя, и часы стали звонить восемь, Симеонъ, медленно ходившій по кабинету своему, медленно погасилъ въ пепельницѣ докуренную папиросу и заговорилъ глухо и важно:

– Борьба за состояніе покойнаго дяди изсушила мое тѣло, выпила мою кровь, отравила мой умъ, осквернила мою душу. Если-бы дядя, послѣ всѣхъ жертвъ моихъ, угостилъ меня такимъ сатанинскимъ сюрпризомъ, я, можетъ быть, задушилъ бы его, либо Ваську Мерезова, я, можетъ быть, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. Но выкрасть завѣщаніе... брр... Я, милый мой, Сарай-Бермятовъ.

– Еще бы! – радостно подхватилъ Вендль.

А Симеонъ, угрюмо улыбаясь, говорилъ:

– Я сейчасъ, какъ Лорисъ-Меликовъ. Взялъ Карсъ штурмомъ, – нѣтъ, не вѣрятъ, говорятъ: врешь, армяшка! купилъ за милліонъ!

– Только не я. Преклоняюсь передъ фактомъ и покорно кричу: да здравствуетъ Симеонъ Побѣдитель!

Симеонъ сдѣлалъ скучливую гримасу и, опять закуривъ папиросу, опустился съ нею на диванъ у окна.

– Прибавь: побѣдитель въ одиночку. Потому что съ нелѣпою оравой моихъ братцевъ и сестрицъ – не чужое завоевать, а гляди въ оба, – своего бы не потерять.

– Да, твои братья... признаться... – сомнительно началъ добродушный и всеизвиняющій Вендль. Но Симеонъ холодно оборвалъ:

– Мразь!

Вендль сконфузился.

– Н-ну... ужъ ты слишкомъ.

Симеонъ все такъ же холодно утвердилъ:

– Вырожденцы, поскребыши, безнадежники, глупцы. Я очень радъ, что они не женятся. Лучше прекратить родъ, чѣмъ плодить психопатовъ.

– Викторъ – не психопатъ, – заступился Вендль.

Но Симеонъ ему и Виктора не уступилъ.

– Такъ социалистъ, революціонеръ, анархистъ, коммунистъ или – какъ ихъ тамъ еще? Его скоро повѣсятъ.

Лицо его пожелтѣло и приняло выраженіе угрюмой сосредоточенности. Вендль наблюдалъ его и думалъ, что, если когда-нибудь Виктора въ самомъ дѣлѣ станутъ вѣшать, и отъ Симеона зависѣть будетъ спасти, то врядъ ли онъ согласится хотя бы только ударить для того пальцемъ о палецъ. Симеонъ молча докурить папиросу и перешелъ черезъ комнату, чтобы аккуратно потушить ее въ той же пепельницѣ на письменномъ столѣ. Потомъ сталъ передъ Вендлемъ, заложилъ руки въ карманы брюкъ и, съ рѣшающимъ дѣломъ вызовомъ, сказалъ:

– Я смотрю на себя, какъ на послѣдняго изъ Сарай-Бермятовыхъ.

– До женитьбы и собственныхъ дѣтей?

Симеонъ кивнулъ головою.

– Да, теперь я женюсь и хорошо женюсь.

– Доброе дѣло. Пора.

– Скажи лучше: поздненько.

– Гдѣ же? Мы съ тобою однокурсники, а мнѣ еще нѣтъ сорока.

Симеонъ горько усмѣхнулся.

– Хорошъ женихъ – въ сорокъ лѣтъ! Но что дѣлать? Раньше я не имѣлъ права. Я никогда не могъ вообразить ее – въ бѣдности, безъ комфорта.

– Ахъ, – удивился Вендль – такъ и невѣста уже есть на примѣтѣ? Не зналъ. Поздравляю!

– Не съ чѣмъ, – спокойно возразилъ Симеонъ. – Я еще самъ не знаю, кто она будетъ.

– Позволь, ты сказалъ...

Симеонъ объяснилъ:

– Жену свою вообразить бѣдной не могу я. Понимаешь? Вообще жену, кто бы она ни была.

– Такъ женился бы на богатой, – усмѣхнулся Вендль. – Съ твоей фамиліей – легко. Симеонъ, стоя у новаго шкафа, медленно качалъ головою и говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

– Это я за подлость считаю. Богатъ долженъ быть я, а не жена. Пусть она будетъ мнѣ всѣмъ обязана, какъ птичка въ готовомъ гнѣздѣ.

Онъ любовно погладилъ красивое гладкое, точно кровью облитое, дерево шкафа цѣпкою рукою своею, съ крѣпкими, нервными, чуть изогнутыми пальцами когтями, и продолжалъ мягкимъ, пониженнымъ голосомъ:

– Когда я женюсь, Вендль, ты не узнаешь меня. Я всю душу свою вложу въ семью мою.

– Милый мой, да ты, оказывается, тоже идеалистъ въ своемъ родѣ? – насмѣшливо удивился Вендль.

– Я семьянинъ по натурѣ. Настолько люблю семью, что до сихъ поръ не смѣлъ приближаться къ ея святынѣ. А, между тѣмъ, я мечтаю о женитьбѣ съ восемнадцати лѣтъ. И въ университетѣ, и послѣ... всегда! Объ этакой, знаешь ли, простой, красивой, дворянской женитьбѣ, по тихой, старомодной любви, которая теплится, какъ лампадка предъ иконою.

– Да, – усмѣхнулся Вендль. – Это хорошо, что ты наслѣдство получилъ. Въ наше время подобной лампадки безъ пятисотъ тысячъ не засвѣтишь.

Симеонъ не слушалъ его ироническихъ а parte. Глядя и лаская любезный шкафъ свой, онъ задумчиво говорилъ, глядя въ полировку, какъ въ зеркало:

– Странна моя судьба, Вендль. Я – семьянинъ, а къ сорока годамъ пришелъ старымъ холостякомъ. Всю жизнь я маялся, какъ добычникъ, по ненавистнымъ го родамъ, а вѣдь я, весь, челоѡкъ земли. Съ головы до ногъ – баринъ. Хозяинъ. Усадебникъ.

– Идилліи жаждешь?

Симеонъ одобрительно склонилъ голову.

– Да, чего нибудь вродѣ семьи Ростовыхъ изъ "Войны и Мира" или хоть Левиныхъ въ "Аннѣ Карениной".

Вендль, съ усмѣшкою, возразилъ:

– Боюсь, мой другъ, что въ усадьбѣ Левина сей часъ стоитъ усмирительный отрядъ, а клавесинъ Наташи Ростовой перепилень пополамъ пейзажами во время аграрнаго погрома.

Но Симеонъ продолжалъ мечтать – и даже лицомъ прояснѣлъ.

– Десятинъ триста верстахъ въ пятнадцати отъ желѣзной дороги. Старинный барскій домъ. Липовая аллея. Конскій заводъ. Патріархальные сосѣди. Подъ большіе праздники – домашняя всенощная.

– Или – красный пѣтухъ, – вставилъ неумолимый Вендль.

– По воскресеньямъ – семейный выѣздъ въ церковь...

– Если въ субботу мужички не подсѣкли лошадямъ ножныя сухожилія.

– Встрѣчные крестьяне кланяются...

– Ну, ужъ это – изъ историческаго музея!

Симеонъ очнулся, какъ отъ сна, мрачно взглянулъ на Вендля, исказился лицомъ и ска-
заль, тряхнувъ въ воздухѣ кулакомъ, точно кузнецъ молотомъ:

– У меня закланяются.

II

Въ то время, какъ Симеонъ и Вендль бесѣдовали о дѣлахъ своихъ въ кабинетѣ, а въ залѣ шумѣла и спорила вокругъ младшихъ братьевъ Сарай-Бермятовыхъ, исключеннаго студента Матвѣя и не только исключеннаго, но и разыскиваемаго техника Виктора, пестрая, разношерстная, мужская и женская, учащаяся молодежь, – въ одной изъ проходныхъ комнатъ между кабинетомъ и заломъ, почти безмебельной и съ повисшими въ лохмотьяхъ, когда-то дорогими обоями, тускло освѣщенной малосильною лампою подъ зеленымъ абажуромъ, лежалъ на весьма шикарной, дорогимъ краснымъ мебельнымъ бархатомъ обитой, кушеткѣ, прикрытый полосатымъ тонкимъ итальянскимъ одѣяломъ изъ шелковыхъ оческовъ, молодой человѣкъ лѣтъ 27, очень похожій на Симеона. Такой же желтый, черный, но съ еще болѣе безпокойнымъ, раздражительно подвижнымъ взглядомъ, ни секунды не стоявшимъ твердо, все блуждавшимъ, – безцѣльно и какъ бы съ досадою невольной каждый разъ ошибки, – съ предмета на предметъ... Словно глазамъ молодого человѣка встрѣчалось все не то, что надо, а того, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, искалъ, никакъ не могъ вокругъ себя найти. Подлѣ, на вѣнскомъ стулѣ, сидѣлъ офицеръ въ пѣхотномъ мундирѣ, грузный блондинъ между тридцатью и тридцатью пятью годами, краснолицый, долговязый и преждевременно лысоватый со лба и висковъ, что дѣлало огромными уши его, совсѣмъ ужъ не такъ большія отъ природы. Первое впечатлѣніе отъ офицера этого было: вотъ такъ баба въ мундирѣ! И, только внимательно вглядываясь въ его ранѣе времени состарѣвшееся, нетрезвое лицо, можно было открыть въ уголкахъ губъ подъ темнорыжими усами, въ разрѣзѣ добродушныхъ желтокрасныхъ глазъ, въ линіи татарскихъ скулъ, нѣчто какъ будто тоже Сарай-Бермятовское, но расплывшееся, умягченное, безхарактерное... Офицеръ былъ второй по старшинству за Симеономъ, братъ, – Иванъ Сарай-Бермятовъ, лежащій молодой человѣкъ – третій, Модестъ. Въ семьѣ Сарай-Бермятовыхъ они двое составляли, такъ сказать, среднюю группу. Много младше Симеона и много старшіе остальныхъ братьевъ и сестеръ, они жили обособленно отъ перваго и другихъ и были очень дружны между собою. То есть, вѣрнѣе сказать: Иванъ былъ нѣжнѣйше влюбленъ въ брата Модеста, котораго искренно считалъ умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, красивѣйшимъ, изящнѣйшимъ и благороднѣйшимъ молодымъ человѣкомъ во всей вселенной. А Модестъ благосклонно позволялъ себя обожать, весьма деспотически муштруя за то податливаго Ивана.

Сейчасъ между ними происходилъ довольно горячій споръ. Модестъ вчера вернулся домой поздно и, по обыкновенію пьяный. Утромъ съ похмелья былъ злой. А, со злости, принялся, за чаемъ, дразнить старшую сестру, юную красавицу Аглаю, нарочно рассказывая ей невозможно неприличные анекдоты, такъ что та расплакалась и, – бросивъ въ него полотенцемъ, – ушла вонъ изъ комнаты. А Модестъ, отъ злости-ли, отъ стыда-ли за себя, вытащилъ изъ буфета графинъ съ коньякомъ и опять напился. И вотъ теперь, снова выпавшись, дрожить отъ алкогольной лихорадки и нервничаетъ, кутаясь въ итальянское полосатое шелковое одѣяло. Иванъ уговаривалъ Модеста извиниться предъ сестрою, когда Аглая вернется изъ поѣздки: она, въ номинальномъ качествѣ хозяйки дома, вотъ уже въ теченіе цѣлой недѣли уѣзжала каждое утро на поиски дачи и возвращалась только съ вечернимъ поѣздомъ, послѣ десяти часовъ. Модестъ капризничалъ, доказывая, что Аглая сама оскорбила его, бросивъ въ него полотенцемъ, а что онъ – рѣшительно ничѣмъ не виноватъ:

– Что за лицемѣріе? Читаетъ же она Кузьмина и Зиновьеву-Аннибалъ... Я выражался очень сдержанно... У нихъ все это изображено откровеннѣе.

– Неловко такъ, Модестъ. Ты уже слишкомъ. Все таки, сестра... дѣвушка...

Модестъ сильно повернулся на кушеткѣ своей и, приподнявшись на локтѣ, сказалъ съ досадою:

– А чортъ-ли ей велить оставаться въ дѣвушкахъ? Шла бы замужъ. Чего ждеть? Дяденька помре. Завѣщаніе утверждено. Приданое теперь есть.

Иванъ потупился и скромно возразилъ:

– Не велики деньги, Модестъ. По завѣщанію дяди, Аглаѣ приходится всего пять тысячъ.

Модестъ презрительно засмѣялся и сдѣлалъ гримасу.

– Отче Симеонтій изъ своихъ прибавить. Ему выгодно поскорѣе свалить съ плечъ обузы опеки родственниковъ. Недолго намъ въ кучѣ сидѣть.

– Да, – вздохнулъ Иванъ, – разлетимся скоро. Сестры – замужъ, я – за полкомъ, куда-нибудь на западную границу...

– Матвѣй и Викторъ – въ тюрьму, либо на каторгу, – въ тонъ ему продолжалъ Модестъ.

– Типунъ тебѣ на языкъ.

Но Модестъ, смѣясь, откинулся на спину и, потягиваясь, какъ молодой котъ, сказалъ съ убѣжденіемъ и удовольствіемъ:

– Одинъ я при Симеонѣ до конца жизни своей пребуду.

– Врядъ-ли, – возразилъ Иванъ, качая облысѣлой и оттого ушастой головой. – Не очень-то онъ тебя обожаетъ.

– Именно потому и не уйду отъ него. Нуженъ же ему какой-нибудь тернъ въ лаврахъ его побѣднаго вѣнца. Вотъ мнѣ и ампула. Онъ въ Капернаумъ – я въ Капернаумъ. Онъ во Іерихонъ, и я во Іерихонъ. Какъ бишь это? Триумфаторъ Цезарь! Помни, что ты все таки человѣкъ... Я его! Вотъ ты увидишь, Жанъ Вальжанъ: я его!.. Дай ка мнѣ папиросу!

Онъ лежалъ, курилъ и, молча, улыбался.

Иванъ долго мялся на стулѣ своемъ. Наконецъ спросилъ:

– Ты уже рѣшилъ, какъ устроить капиталъ свой?

– Наслѣдственный-то? – небрежно откликнулся Модестъ.

– Благопріобрѣтеннаго, сколько мнѣ извѣстно, ты не имѣешь.

– Уже устраиваю. Черезъ банкъ Эмилиі Вельсъ и К°.

Иванъ не то испуганно, не то восторженно вытаращилъ наивные глаза свои.

– Фю-ю-ю! На мѣсяцъ хватить!

– За то воспоминаній и мечты – потомъ на всю жизнь.

Модестъ зѣвнулъ, закрылъ глаза и продолжалъ, закинувъ руки за голову:

– На что мнѣ капиталъ, Иванъ? Диванъ и мечта вотъ все, что мнѣ нужно.

– Мечтою сытъ не будешь.

– Буду. Отче Симеонтій не допуститъ, чтобы Модестъ Сарай-Бермятовъ, родной братъ его, босячилъ на Толкучкѣ. Noblesse oblige. И одѣнетъ, и обуетъ, и кровь дастъ.

– Со скрежетомъ зубовнымъ.

– Это наплевать.

Умолкли. Модестъ дремалъ. Иванъ смотрѣлъ на него съ любовью и тоскливо, нѣжно, подъ тихую лампу, думалъ. Потомъ сказалъ:

– Какъ странно, что ты и Симеонъ – дѣти однихъ родителей.

– По крайней мѣрѣ, одной матери, – лѣниво отозвался Модестъ. – Производители достойны только въ государственномъ коннозаводствѣ. Тамъ контроль.

Иванъ покраснѣлъ и, въ самомъ дѣлѣ недовольный, замѣтилъ почти басомъ, стараясь быть учительнымъ и суровымъ:

– Аглая права: ты становишься невозможенъ.

А Модестъ говорилъ лѣниво, точно бредилъ:

– Я – мечтательная устрица. При чемъ тутъ былъ почтенный родитель, утверждать не смѣю. Но, что касается мамы, полагаю, что она родила меня исключительно для семейнаго равновѣсія, устыдись, что раньше дала жизнь такому волку, какъ Симеонъ. Міръ, другъ мой Ваня, красенъ встрѣчею контрастовъ.

– О, въ такомъ случаѣ, наша семья – красавица изъ красавицъ! – засмѣялся Иванъ...

А Модестъ продолжалъ:

– Подросткомъ, я любилъ миѳологію, потому что она – міръ контрастовъ. Быкъ похищаетъ Европу, Пазифая влюбляется въ быка. Кентавры, сфинксы. Я благодаренъ Симеону, что онъ далъ мнѣ классическое образованіе. Оно развило мою фантазію и выучило меня мечтать. Половина тѣла – женщина, половина – левъ со змѣинымъ хвостомъ... Помнишь, въ университетѣ я писалъ рефератъ о шабашахъ вѣдьмъ?

– Раньше, кажется, о нравахъ во Франціи при регентѣ?

– Начиналъ.

– И о маркизѣ де-Садъ? – чуть улыбнулся Иванъ.

– Было, – кивнулъ Модестъ.

– Темы у тебя!

– Кого что интересуешь, – холодно возразилъ Модестъ и ловко швырнулъ папиросу черезъ комнату на мѣдный листъ у печки. Иванъ, качая головою, такъ что она ушами, какъ лопастями мельничнаго крыла, размахивала на стѣнной тѣни, говорилъ съ упрекомъ:

– Да ужъ хоть бы кончалъ. А то все – начала да наброски, вступленія да отрывки

Модестъ согласно кивалъ носомъ въ тактъ его словамъ: знаю, молъ, что скажешь, все заранѣе знаю! Не трудись! И – искреннимъ, довѣрчивымъ голосомъ, нисколько не похожимъ на тотъ, которымъ онъ говорилъ раньше, – носовой, искусственно насмѣшливый, условный, точно у актера, играющаго фатовъ на сценѣ, отвѣчалъ:

– У меня слишкомъ быстрое воображеніе. Формы чудовищныхъ контрастовъ летятъ, обгоняютъ слова. Образы остаются въ головѣ, лѣнясь выскользнуть на бумагу. Я не писатель, я мечтатель. Грезу я чувствую осязательно, какъ знаешь, бываетъ во снѣ. Я не думаю, чтобы въ Европѣ былъ поэтъ, который жилъ бы въ такой яркой смѣнѣ образовъ, какъ я. Но все это остается у меня въ мечтѣ, въ думѣ, въ головѣ. Слова трудны и бѣдны, а перо скучно и мертво.

– Отъ подобныхъ мечтаній, мой милый, недолго съ ума сойти, – нравоучительно замѣтилъ Иванъ. Модестъ засмѣялся.

– Эка чѣмъ испугалъ! Да, можетъ быть, я уже сошелъ?

– Нехорошо. Запрутъ! – погрозилъ Иванъ. Модестъ, словно серьезно прося, качалъ головою съ видомъ насмѣшливо-укоризненной самозащиты въ дѣлѣ, заранѣе и увѣренно выигранномъ:

– Ну, вотъ? кому мѣшаетъ смирный сумасшедшій? О, люди! Оставьте Модеста Сарай-Бермятова его дивану и миѳологіи и идите прочь.

– Но, вѣдь, въ одинъ прескверный день, вставши съ дивана, ты въ состояніи продѣлать такую миѳологію, что всѣ прокуроры ахнутъ?

Модестъ посмотрѣлъ на брата внимательно, нахмурился и отвелъ глаза.

– Гм... А ты, Иванъ, однако, не такъ наивенъ, какъ кажешься. Но... Ваня! оставь сомнѣнья! – запѣлъ онъ изъ "Лоэнгрина". – Нѣтъ. Я трусь. Воображеніе никогда не диктуетъ мнѣ желаній, настолько сильныхъ, чтобы перейти въ дѣйствіе. Съ меня совершенно достаточно моего бреда.

– И съ женщинами ты такъ?

– Больше, нежели въ чемъ либо другомъ... Меня еще въ гимназіи Воображалкинымъ прозвали... Помнишь, товарищи, въ седьмомъ, восьмомъ классѣ уже непременно женщинъ знали... иные съ пятого начали. По публичнымъ домамъ скитались, горничныхъ, швеекъ подманивали... Я никогда...

– Не то, что теперь? – поддразнилъ Иванъ, ухмыляясь и шевеля темно-рыжими усами.

Но Модестъ возразилъ съ сильною досадою:

– А что теперь? То же, что и тогда...

Иванъ искренно расхохотался и возразилъ:

– Извини меня, Модестъ, но это отъ тебя смѣшно слушать. Словно я тебя не знаю? Не мало вмѣстѣ валандались. Такихъ распутныхъ, какъ ты, искать.

– А полно, пожалуйста! – съ досадой возразилъ Модестъ, нетерпѣливо шевелясь на кушеткѣ. – Много ты понимаешь... Создали ложную репутацію и носятся! Воображаютъ! Подумаешь, за что!.. У насъ это легко... Раздѣлъ человѣкъ спяну женщину въ заведеніи до совершеннаго декольтѣ, да вылилъ на нее бутылку шампанскаго, чтобы посмотрѣть, какъ золотое вино течетъ по розовой кожѣ, – вотъ ужъ и готовъ Калигула, а то и весь Неронъ.

– Однако, согласись, цѣломудренный братъ мой, не всякій же и на подобные души посягаетъ. Надо имѣть особое предрасположеніе, чтобы находить удовольствіе...

– Ахъ, оставь! Раздражаешь... Терпѣть не могу, когда люди говорятъ о томъ, въ чемъ они не смыслятъ, извини меня, ни уха, ни рыла, и повторяютъ мѣщанскую ерундовую мораль... Предрасположеніе какое-то выдумалъ – надо имѣть!.. Дай папироску!

Онъ закрыть глаза и, куря, ворчалъ сквозь зубы:

– Предрасположенія-то – увы! – сколько угодно... Ты думаешь: я на предрасположеніе свое сердить? Напротивъ, очень папенькѣ съ маменькою благодаренъ. Черезъ то, что ты называешь предрасположеніемъ, мнѣ только и интересно жить. Я наблюдаю себя и открываю въ себѣ цѣлый міръ... цѣлый адъ... Понимаешь? Глядѣться въ адъ – это жутко и хорошо... Предрасположеніе – это задорный лучъ поэзіи, падающій въ черную глубину души. Но – вотъ, что касается воли... дѣйствительнаго импульса осуществляющей воли...

Онъ глубоко вздохнулъ и живо заговорилъ, дымя папироской:

– Повторяю тебѣ: я трусь... Воображалкинымъ во шель въ жизнь – Воображалкинымъ и уйду изъ нея... Засидѣвшихся въ дѣвахъ барышень дразнить, что онѣ все карты раскидываютъ на трюфоваго короля... Вотъ и я такъ-то гадаю, братъ мой... У какого это писателя чиновники, вмѣсто игорныхъ картъ, играли въ винтъ фотографическими карточками?

– У Чехова.

– Развѣ? Я ожидалъ: новѣе. Кой чортъ? Неужели я еще Чехова помню? Вѣдь это сто лѣтъ тому назадъ! Впрочемъ, тебѣ и книги въ руки. Вы, офицерство, ужасные консерваторы. Если читаете, то непремѣнно какое-нибудь старье... Такъ вотъ, любезный братъ мой Иванъ, у меня въ головѣ, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, идетъ такая же воображаемая игра фотографическими карточками. И каждый, а въ особенности каждая, кто становится мнѣ извѣстенъ, непремѣнно попадаетъ въ эту мою фантастическую колоду и начинаетъ играть въ ней извѣстную роль... Понимаешь? Вотъ гдѣ, если тебѣ угодно знать, я, дѣйствительно, могу быть развратенъ. Ты не повѣришь, какіе смѣлые ходы я придумываю въ этихъ воображаемыхъ фотографическихъ пасьянсахъ моихъ, въ какой дерзкій и безстыдный шабашъ способенъ я смѣшать мою колоду... И этотъ бредъ волнуетъ меня, Иванъ, – признаюсь тебѣ: это волнуетъ и удовлетворяетъ...

Онъ подумалъ и, сильно куря, прибавилъ:

– Больше, чѣмъ настоящее, живое, больше, чѣмъ жизнь... Ты меня видалъ въ аѳинскихъ ночахъ, – и, вонъ, аттестацію даже выдаешь, что я исключительно распутенъ... Но если-бы я могъ рассказать тебѣ, показать, какъ все это у меня въ мозгу сплетается, свивается и танцуетъ... вотъ тогда бы ты понялъ, гдѣ онъ – настоящий то изобрѣтательный восторгъ наслажденія... Тѣло наше дрянъ, Иванъ! что можетъ тѣло? Грѣшить до дна умѣетъ только мысль. Когда мысль – одинокая мысль тонетъ въ вождельніяхъ, какая тамъ къ чорту, въ сравненіи, нужна тебѣ аѳинская ночь!..

– Ты сойдешь съ ума, Модестъ! ты сойдешь съ ума! – печально твердилъ Иванъ, глубокомысленно качая головой.

Модестъ не отвѣчалъ. Иванъ конфузно потупился.

– Тогда я не понимаю, – робко сказалъ онъ. – Тогда... вотъ ты говорилъ на счетъ капитала... Тогда зачѣмъ тебѣ тратиться на Миличку Вельсь?

– Ба! – небрежно возразилъ Модестъ. – Да вѣдь она, если хочешь, тоже что-то вродѣ бреда. Жрица богини Истаръ. Я положительно убѣжденъ, что уже зналъ ее три тысячи лѣтъ тому назадъ въ Сузахъ.

Онъ сѣлъ на кушеткѣ, сбросивъ съ ногъ одѣяло, и весело посмотрѣлъ на Ивана оживившимися, значительными глазами.

– Знаешь, – почти радостнымъ голосомъ сказалъ онъ, – знаешь? Вотъ я вижу: ты меня ея любовникомъ считаешь. А вѣдь, между тѣмъ, вотъ тебѣ честное слово: я никогда ея не имѣлъ. Если, конечно, не считать того, что было между нами въ Сузахъ.

Иванъ пожалъ плечами.

– Еще глупѣ.

Модестъ отвернулся отъ брата съ презрительнымъ вздохомъ, опять вытянулся вдоль кушетки и произнесъ менторскимъ тономъ, лежа къ Ивану спиной:

– Глупъ ты. Не понимаешь мучительныхъ восторговъ неудовлетворяемой жажды. Ты никогда не испытывалъ желанія прибить женщину, къ которой у тебя страсть?

Иванъ смутился.

– Да съ какой же стати?

– Никогда? – капризнымъ голосомъ настаивалъ Модестъ.

Иванъ даже бурый сталъ отъ румянца.

– Видишь-ли... Если хочешь... То есть... Вскорѣ послѣ производства... въ полку...

– Ну? – живо обернулся къ нему Модестъ.

– Да ничего особеннаго... Одна этакая... ну, дѣвка то есть... часы у меня стащила...

– Ну? – уже разочарованно повторилъ Модестъ.

– Ну, не выдержалъ, далъ по рожѣ. Не воруй.

– Въ кровь? – жадно спросилъ Модестъ, какъ бы хватаясь хоть за сію-то послѣднюю надежду на сильное ощущеніе.

– Сохрани Богъ! – съ искреннимъ испугомъ воскликнулъ Иванъ. – Что ты! Я и то потомъ чуть со стыда не сгорѣлъ.

– Слизнякъ!.. – со вздохомъ отвернулся Модестъ и долго молчалъ. Потомъ, окружаясь дымомъ, произнесъ порывисто и глухо, такъ что даже напомнилъ манеру Симеона:

– Когда я съ Эмилией, мнѣ хочется только бить ее.

– Неужели позволяетъ? – изумился Иванъ.

Этотъ простодушный вопросъ засталъ Модеста врасплохъ.

– М-м-м... – промычалъ онъ. – Я мечтаю, что позволяетъ.

– То-то... – столь же простодушно успокоился Иванъ. – У нея такіе глаза, что скорѣе отъ самой дождешься.

Но Модестъ уже оправился, найдя подходящую карту въ фантастической колодѣ своей, и возразилъ съ упоеніемъ:

– Въ этомъ то и шикъ. Мечтать, будто ты истязаетъ гордое и властное существо, это настолько прекрасно и тонко, что ты не въ состояніи даже вообразить своими бурбонскими мозгами. Ты объдаешь у нея завтра?

– Куда мнѣ съ вами!.. Вы – большіе корабли, а я маленькая лодочка.

– Послѣ объда навѣрное будутъ тройки. Дай-ка мнѣ займы рублей пятьдесятъ.

– Ей Богу, у самого – только десять, – сконфузился Иванъ. – Если хочешь, возьми семь. Я какъ нибудъ... того... ничего... трешницей обойдусь.

– Чортъ съ тобой. Возьму у Скорлупкина. Этотъ болванъ всегда при деньгахъ.

– Съ тридцати-то рублеваго жалованья?

– А хозяйскій ящикъ на что? Всѣ приказчики воры.

– Гмъ... – замялся Иванъ. – Одолжаться подобными деньгами щекотливо, Модестъ.

– Деньги – не дворяне, родословія не помнятъ, – спокойно зѣвнулъ Модестъ.

– Но – если ты самъ увѣренъ, что краденя?
– Нѣтъ, такого штемпеля я на нихъ не видалъ.
– Тогда – зачѣмъ бросать тѣнь на Скорлупкина?
– А что, онъ завянетъ, что-ли, отъ тѣни моей?
– Да, конечно, не расцвѣтетъ. Я не понимаю, какъ можно такъ неосторожно обращаться съ чужою репутаціей.

– Охъ, ты! Блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ!
– Скорлупкинъ совсѣмъ не скотъ. Хотя необразованный и смѣшной немножко, но очень услужливый и милый молодой человѣкъ.

– Относительно человѣчества его я оставляю вопросъ открытымъ, – зѣвая съ воемъ, сказалъ Модестъ. – А вотъ, что у него рыло красное и лакированное, – это вѣрно. И что, вмѣсто рукъ, у него красно-бурыя потныя копыта какія-то, это тоже сомнѣнію не подлежитъ. И что, съ этимъ-то краснымъ рыломъ и этими-то копытами, онъ изволилъ влюбиться въ нашу Аглаю, – это безспорнѣйшая истина номеръ третій.

– Есть! это есть! – добродушно засмѣялся Иванъ. – Этакій комикъ!.. Очень замѣтно есть. По лицу Модеста проползла странная больная гримаса, которую онъ поспѣшилъ скрыть въ шутовской, цинической усмѣшкѣ.

– Когда Аглая выйдетъ замужъ, – сказалъ онъ – погаснетъ большой ресурсъ моихъ скудныхъ средствъ. У меня правило: кто въ нее влюбленъ, – сейчасъ денегъ занять.

– До Григорія Скорлупкина включительно?
– Почему нѣтъ? Влюбленный не хуже другихъ. Мнѣ онъ даже предпочтительно нравится. Я ему сочувствую. Я желалъ бы, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ. Аглая и онъ – это пикантно. Что-то изъ балета "Красавица и звѣрь".

Глаза у него, когда онъ говорилъ это, были туманные, испуганные, а голосъ глухой, лживый, скрывающій.

– И тутъ контрастъ? – усмѣхаясь, намекнулъ Иванъ на давешній разговоръ.
– И яркій, – сухо сказалъ Модестъ.
– Но безнадежный.

Модестъ долго молчалъ. Потомъ возразилъ тономъ холоднымъ и скучающимъ.

– Вотъ слово, котораго моя миѳологія не признаетъ.

Иванъ неодобрительно закачалъ головою.

– Пустословъ ты, Модестъ. Умнѣйшая ты голова, честнѣйшее сердце, образованнѣйшій человѣкъ, вотъ есть у тебя эта черточка – любишь оболгать себя пустымъ словомъ. Ну, хорошо, что говорится между нами, одинъ я слышу тебя. А, вѣдь, послушай кто посторонній, – подумаетъ, что ты, въ самомъ дѣлѣ, способенъ – такъ вотъ, для спектакля одного курьезнаго – родную сестру какому нибудь чучелѣ Скорлупкину отдать...

Модестъ лѣниво слушалъ, закинувъ руки подъ голову, и улыбался презрительно, высокомерно.

– Такъ ты принимаешь это во мнѣ, какъ пустыя слова? – произнесъ онъ протяжно, полный неизмѣримаго превосходства. – Ахъ, ты младенецъ тридцатилѣтній! Ну, и да благо ти будетъ, и да будешь долголѣтенъ на земли... Дай-ка папиросу, младенецъ!

Онъ помолчалъ, закуривая. Потомъ продолжалъ важно, угрюмо:

– Иногда, мой любезный, я такъ пугаюсь себя, что мнѣ и самому хочется, чтобы это были только пустыя слова... Но... Есть что то, знаешь, темное, первобытное въ моей душѣ... какая то первозданная ночь... Ко всему, что въ ней клубится, что родственно мраку, гніенію, тлѣнію, меня тянетъ непреодолимою, противъ воли, симпатіей... Я человѣкъ солнечной вѣры, другъ Иванъ, я былъ бы счастливъ сказать о себѣ, какъ Бальмонтъ:

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобы видѣть солнце...

Но – представь себѣ: я больше всего люблю видѣть, – наоборотъ – какъ солнце меркнетъ и затмѣвается, какъ его поглощаетъ драконъ черной тучи, посланный на небо враждебною ночью... Когда я еще вѣрилъ и былъ богомоленъ, то часто, за обѣдней, дьяволъ смущалъ меня сладкою мечтою: какъ хорошо было бы перевернуть весь этотъ блескъ, золото, свѣтъ на сумракъ и кровь черной массы... Скажи, Иванъ: ты помнишь, какъ зародилась въ тебѣ первая половая мечта?

– Ну, вотъ, что вздумалъ спрашивать, – добродушно сконфузился Иванъ.

– Однако?

– Чортъ ли упомянуть... глупости всякія...

– Нѣтъ, ты припомни!..

– Да, ей Богу, Модестъ... Что тутъ вспоминать?... Никогда ничего особеннаго... Я, вѣдь, не то, что вашъ братъ, утонченный человѣкъ...

– Да, вѣдь, не чурбанъ же ты, однако, и не звѣрь, которому природа указала для этихъ эмоцій инстинктивные сроки. Вѣдь всколыхнуло же въ тебѣ что нибудь идею пола, быть какой-нибудь толчокъ, который однажды внезапно сдѣлалъ тебя изъ безполага мальчишки мужчиною и указалъ дорогу къ наслажденію...

Иванъ, краснѣя и даже съ каплями пота на лбу, теръ ладонью свою раннюю лысину.

– Разумѣется, быть...

– Ну?

– Да рѣшительно ничего нѣтъ интереснаго... какъ всѣ...

– Мнѣ интересно, – капризно, съ свѣтящимися глазами, приказалъ Модестъ. – Я требую, чтобы ты рассказалъ... Мнѣ это надо. Какъ новый человѣческій документъ. Я теперь собираю коллекцію такихъ начинаній...

– Для твоего философскаго труда? – съ благоговѣніемъ спросилъ Иванъ.

Модестъ прикрылъ глаза и съ растяжкою произнесъ:

– Да, для будущаго моего философскаго труда...

Противъ этого аргумента Иванъ уже никакъ не въ силахъ былъ протестовать: если-бы тѣмъ могъ содѣйствовать будущему философскому труду Модеста, онъ охотно позволилъ бы повѣсить себя на отдушникъ за шею даже на немысленной бичевкѣ. Научная цѣль вопроса сняла съ него стыдъ, и онъ дѣловито и обстоятельно изложилъ, будто рапортовалъ по службѣ начальству, постоянно, послѣ каждой фразы, понукая память свою, точно отвѣчая нетвердо въ ней улегшійся, лишь механически усвоенный, урокъ.

– Ну-съ, было мнѣ пятнадцать лѣтъ, ну-съ. Ну-съ, Епистимія тогда была молодая, ну-съ. Ну-съ, Симеонъ пріѣхалъ изъ университета на каникулы, ну-съ. Зачѣмъ, я думаю, они все вдвоемъ въ малину прячутся, ну-съ. Ну-съ, и однажды подкрался, подсмотрѣлъ ихъ въ малинѣ, ну-съ... Только и всего...

– Только и всего? – разочарованно повторилъ Модестъ. – И это твое первое мужское волненіе?

– Ужъ не знаю, первое-ли, пятое-ли... Только это я помню, а другія позабылъ... Можетъ, и было, что... Позабылъ!.. Я тебѣ говорю, Модестъ, – жалостно извинился онъ, – простой я человѣкъ, ужъ какая у меня психологія! Казарма!

– Д-да, Оскаромъ Уайльдомъ тебѣ не бывать, – пренебрежительно процѣдилъ сквозь зубы, съ закушенной въ нихъ папиросою, Модестъ. – И вѣчно то у васъ – напрямикъ: женщина... самка... бурбоны вы всѣ!.. всегда наглядная, грубая, пошлая женщина... Ф-фа!

Онъ подумалъ, вынулъ папиросу изо рта, перешвырнулъ ее черезъ комнату на мѣдный листъ и, значительно глядя на брата, сказалъ:

– Во мнѣ первую половую мечту пробудилъ Гаршина рассказъ... "Сказка о жабѣ и розѣ"... Помнишь?.. Ну? что же ты вытаращилъ на меня свои выразительные поручицкіе глаза?..

– Очень помню, Модестъ... Но... но... извини меня... Я никакъ не могу взять въ толкъ: Гаршинъ – и половая мысль... рѣшительно не вяжется, братъ... Сказка отличная... трогательнѣйшая сказка, можно сказать... Но – хоть убей... что же есть тамъ такого?

– Я такъ и зналъ, что ты ничего не поймешь!.. Никто не понимаетъ...

Модестъ прикрылъ глаза рукою и мечтательно про скандировалъ слогъ за слогомъ:

– "И вдругъ, среди звонкаго и нѣжнаго рокота соловья, роза услышала знакомое хрипѣніе:

– Я сказала, что слопаю, и слопаю!..."...Брр! – онъ странно содрогнулся и, помолчавъ, спросилъ съ насмѣшкою:

– Твои симпатіи, конечно, всѣ на сторонѣ этой пышноцвѣтной красавицы, погибающей дѣвственной розы?

– Конечно, да, Модестъ, – изумился Иванъ. – Полагаю... какъ всѣ... Иначе быть не можетъ...

– Ну, да... еще бы... "какъ всѣ!" "иначе быть не можетъ!" – презрительно передразнилъ Модестъ, поворачиваясь къ нему спиною, къ стѣнѣ – лицомъ.

– Не жабѣ же сочувствовать, Модестъ!..

Модестъ выдержалъ долгую паузу и возразилъ съ длинною, мечтательною растяжкою:

– Жабѣ, сочувствовать нельзя... н-нѣтъ, не то, чтобы нельзя... трудно... Есть въ человѣческой душѣ что-то такое, что... ну, словомъ, почему – въ концѣ концовъ какъ оно ни интересно – а не признаешься въ томъ... неудобно сочувствовать жабѣ!.. Но когда сѣрая, жирная жаба хочетъ отправить въ брюхо свое цѣломудренный цвѣтокъ, на которомъ улетающая утренняя роса оставила чистыя, прозрачныя слезинки, – это... это... любопытно, Иванъ! Клянусь тебѣ лысиною своею, – чрезвычайно развлекательно и любопытно...

Странно смѣясь, повернулся онъ къ Ивану, поднялся на локтѣ, а въ глазахъ его мерцали нехорошіе огни, и на скулахъ загорѣлся румянецъ.

– Ты пойми, – сквозь неестественный сухой смѣхъ говорилъ онъ, – вѣдь я не то, чтобы... вѣдь и мнѣ жаль розы... И тогда вотъ, какъ я тебѣ сказалъ, жаль было, и теперь жаль... И лепестки подъ слезинками росы цѣню, и ароматъ, который даже жабу одурманилъ... все... Но только мнѣ всегда ужасно было – и сейчасъ вотъ досадно – на эту противную дѣвчонку, которая такъ преждевременно отшвырнула жабу отъ розы концомъ башмака...

– Если-бы она не отшвырнула, жаба слопала бы розу, – глубокомысленно замѣтилъ Иванъ.

Модестъ возразилъ съ тѣмъ же двусмысленнымъ, больнымъ смѣхомъ:

– Ну, ужъ и слопала бы... Авось, не всю... Можетъ быть, такъ только... на пробу... лепестокъ бы, другой укусила?..

Изъ корридора послышались голоса. Вошли Симеонъ и Вендль. Симеонъ, оживленный хорошими дѣловыми новостями, былъ въ духѣ, – вошелъ сильный, широкоплечій, стройный, съ гордо поднятой головою. Вендль ковылялъ за нимъ потихоньку, – странная, сказочная фигура добраго черта, наряднаго и изысканнаго, въ грустномъ, но притягивающемъ уродствѣ своемъ. При видѣ братьевъ, выраженіе лица Симеонова изъ побѣднаго смѣнилось въ саркастическое, однако еще не злое. Ужъ очень онъ былъ въ духѣ.

– Лежишь? – сатирически обратился онъ къ Модесту, оскаливая въ черной рамѣ усы и борода зубные серпы свои. Тотъ взглянулъ въ пространство вверхъ и равнодушно отвѣтилъ:

– Лежу.

– Сидишь? – повернулся Симеонъ къ Ивану. Тотъ поежился и промямлилъ:

– Сижу.

Симеонъ тихо засмѣялся.

– Полюбуйся, Вендль: хороши душки? Этакъ вотъ они у меня съ утра до вечера. Одинъ, по диванамъ валяясь, нажилъ пролежни на бокахъ. Другой, ему внимая, какъ оракулу, по стулу въ сутки насквозь просиживаетъ. Если-бы не курили, такъ и за людей почестъ нельзя. Хоть бы вы въ пикетъ, что-ли, играли или бильбоке завели.

– Купи, будемъ играть, – угрюмо возразилъ Иванъ.

– Коттаббось лучше. Купи греческій коттаббось! – холодно посовѣтоваль Модестъ.

– Хотите сигаръ, ребята? – поспѣшилъ ласково вмѣшаться Вендль, видя, что правую щеку Симеона передернуло, и, значить, онъ, того и гляди, сейчасъ разразится филиппикой.

– Давай, – оживился Модестъ. – Я тебя люблю, Вендль. Ты дешевле полтинника не куришь.

– Подымай выше. По рублю штука. Вчера сотню кліентъ подарилъ.

– Не давай, – сказалъ Симеонъ.

– Отчего? Мнѣ не жаль.

Симеонъ язвительно оскалился.

– Да вѣдь нищимъ на улицѣ ты по рублю не подаешь?

– Подавалъ бы, – добродушно извинился Вендль, – да рубли не самъ фабрикую, а казенныхъ не напасешься.

– Такъ и не дари лежебокамъ рублевыхъ сигаръ.

– Сравниль! – засмѣялся сконфуженный Вендль.

Но Симеонъ не смѣялся, а смотрѣлъ на братьевъ съ угрюмымъ высокомернымъ презрѣніемъ и говорилъ:

– Право обращать рубль серебра въ дымъ надо заслужить.

– Не пугай, – старался отшутиться Вендль, – курить хорошія сигары люблю, а – заслужилъ-ли – врьдъ-ли, не чувствую.

– Сколько ты зарабатываешь въ годъ? – спросилъ Симеонъ.

– Тысячъ двадцать пять, тридцать.

– Кури, – сказалъ Симеонъ съ видомъ спокойнаго превосходства, точно и въ самомъ дѣлѣ отъ него зависало, позволить или не позволить.

Вендль послалъ ему воздушный поцѣлуй съ комическимъ поклономъ:

– Merci!

Но Симеонъ, жесткій и насмѣшливый, ораторствовалъ:

– Твой трудъ превратился въ капиталъ. Твое дѣло, какъ ты используешь ренту.

Модестъ захохоталъ на кушеткѣ своей, подбрасывая одѣяло ногами.

– Симеонъ! Пощади! Марксъ въ гробу перевернулся.

Симеонъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

– Но дурнымъ даровые рубли не должны падать съ неба ни серебромъ, ни сигарами. Это развратъ. Лежебоки пусть курятъ "Зарю" или "Дюшесъ".

– Воздухъ отравятъ, – самому же будетъ скверно дышать, – съ улыбкою заступился Вендль.

А Модестъ вдругъ опустилъ ноги съ кушетки и спросилъ дѣловымъ и строгимъ голосомъ:

– Иванъ! Тахта въ угловой свободна?

Иванъ вскочилъ со стула, точно его командиръ вызвалъ, и весело вскрикнулъ, какъ морякъ на кораблѣ:

– Есть, капитанъ!

– Въ такомъ случаѣ... – Модестъ лѣниво перебросилъ черезъ плечо красивое одѣяло свое и свистнулъ:

– Айда! Перекочуемъ!

Вендль расхохотался.

– Проняло?

Модестъ лѣниво двигался къ двери и, влача за собою по полу полосатое одѣяло свое, отвѣчалъ:

– Отче Симеонѣ въ проповѣдническомъ ударѣ и несносно жужжить.

– Жужжать мухи и трутни, – бросилъ въ спину ему Симеонъ. – А я рабочій муравей.

Модестъ чуть оглянулся черезъ плечо.

– Ну, и благодари сотворшаго тя онимъ и созижди кучу свою.

Симеонъ смотрѣлъ вслѣдъ и язвительно улыбался:

– Хоть посмотрѣть, какъ вы еще ногами двигаете. Я думалъ: разучились.

Братья ушли въ одну дверь, а въ другую – со стороны зала – тѣмъ временемъ, протискалась съ чайнымъ подносомъ, на которомъ возвышались два стакана и двѣ стеклянныя вазочки на тонкихъ ножкахъ – для варенья и для печенья, та самая неприглядная Марфутка или Михрютка, какъ опредѣлялъ ее Вендль, опасаясь за переселеніе изъ ея отрѣпьевъ въ его драгоцѣнный армякъ неожиданныхъ насѣкомыхъ жителей.

– Искала, искала васъ по дому то, – обиженно произнесла эта удивительная дѣвица, сердито оттопыривая губу подъ астрономически вздернутымъ носомъ. – Чего въ своей комнатѣ не сидите?.. Тоже ходи за вами, стало быть, по хоромамъ-то, словно домовой...

Вендль захохоталъ и, повалившись на кушетку, освобожденную Модестомъ, въ весельи дрыгалъ тонкими ногами, а Симеонъ позеленѣлъ и, приблизившись къ дѣвчонкѣ въ раскаленно-гнѣвномъ спокойствіи, во просилъ ее голосомъ тихимъ, но зловѣщимъ, въ которомъ шипѣла угроза:

– А по какому это случаю ты, сударыня, изволишь сегодня разносить чай? Приличнѣе то тебя въ домѣ никого не нашлось? Если Анюта съ барышней Аглаей уѣхала по дачамъ, то остались Катька и Афросинья. Почему ты, обрубокъ кухонный, здѣсь топчешься? Гдѣ старшія двѣ?

Обрубокъ кухонный отвѣчалъ на это, столь же добру и злу внимая равнодушно, съ тою же совершенною невозмутимостью и чувствомъ служебной правоты:

– Афросинья, стало быть, въ залѣ гостямъ чай разливаетъ, а Катька, стало быть, побѣжала по тетеньку Епистимію, потому что, стало быть, барышня Зоя облила новое платье какаемъ...

Послѣдняя фраза спасла Марфутку или Михрютку отъ уже готовой и, буквально, въ воздухѣ надъ нею повисшей, господской оплеухи. Услышавъ о новомъ платьѣ, облитомъ какао, Симеонъ уронилъ поднятую руку и поблѣднѣлъ, какъ смерть.

– Что? Новое платье? Какао? – пролепеталъ онъ, даже конвульсивно содрогнувшись всѣмъ тѣломъ своимъ.

Марфутка или Михрютка чутьемъ постигла психологическій моментъ и поспѣшила его использовать:

– Вы, баринъ, не извольте беспокоиться, – съ бойкою почтительностью отрапортовала она. – Тетенька Епистимія, стало быть, выведутъ. Онъ, стало быть, этотъ секретъ знаютъ...

И исчезла, какъ маленькая юркая лисица изъ пещеры мѣшковатаго льва, готовившагося ее растерзать.

А Симеонъ смотрѣлъ на Вендля съ остолбенѣлымъ видомъ, почти какъ помѣшанный, и бормоталъ жалкимъ голосомъ:

– Только что вчера заплатилъ за это новое платье по счету мадамъ Эпервье сорокъ четыре рубля. Точно пропасть бездонная эти мои сестрицы!

Вендлю онъ смѣшонъ былъ и жалокъ.

– Не нарочно же она! – извинительно вступился онъ.

Но Симеонъ, словно того ждалъ, такъ и вспыхнулъ бѣшенствомъ:

– Да – я кую, что-ли, деньги-то? Какао облилась! Отчего же я не обливаюсь! Ты не обливаешься? Марфутка вотъ эта не облилась? Оттого, что мы зарабатываемъ свое платье трудомъ, а ей готовое достается. Сорокъ четыре рубля! Это – тысяча триста двадцать рублей въ мѣсяцъ.

Вендль захохоталъ.

– Неужели Зоя Викторовна каждый день по платью изводитъ?

– Все равно! – сердито отмахнулся Симеонъ, – Сегодня Зоя облила новое платье, вчера Аглая расколола китайскую вазу, Матвѣй шагаетъ грязными сапожищами по бархатнымъ коврамъ, Модестъ папиросами прожигаетъ дыры въ обивкѣ мебели... Ходятъ сквозь твои деньги, сквозь твой комфортъ, какъ сквозь облако, и даже не устаиваютъ замѣчать.

– Не первый день это у васъ началось, – спокойно замѣтилъ Вендль.

Но Симеонъ, мрачный и темный, нашель быстрое возраженіе:

– Прежде, покуда я былъ бѣденъ, имъ, по крайней мѣрѣ, было нечего портить. Дикари культурные! Безпризорная орда! Вотъ оно – воспитаніе безъ родителей! Выросли чудовищами, какъ на мусорѣ чертополохъ растеть.

Вендль почувствовалъ, что тонъ Симеона, переставъ быть забавнымъ, царапаетъ его по нервамъ, и онъ усталъ и начинаетъ раздражаться.

– Въ томъ, что рано осиротѣли, полагаю, братья и сестры твои не виноваты, – сдержанно возразилъ онъ.

Но Симеонъ окинулъ его холоднымъ, увѣреннымъ взглядомъ:

– Я свой долгъ, по отношенію къ нимъ, исполнилъ. Образование далъ всѣмъ, кто какое осилилъ. Черезъ учебныя заведенія провелъ. Специально воспитывать, хорошимъ манерамъ учить было не на что.

Вендль окинулъ его язвительнымъ взглядомъ. Ему рѣшительно хотѣлось сказать сейчасъ пріятелю что-нибудь очень не пріятельское.

– Да и гувернантки не уживались, – многозначительно засмѣялся онъ.

Но Симеонъ спокойно отвѣтилъ:

– Потому что развратныя твари.

Вендль, озадаченный, широко открылъ глаза.

– Да вѣдь ты же развращалъ то?

Симеонъ хладнокровно пожалъ плечами.

– Не все-ли равно, кто? Развѣ я могъ держать подлѣ Аглаи или Зои какую-нибудь завѣдомо падшую госпожу? Я человѣкъ холостой, – что съ меня взять? Жениться принципиально не хотѣлъ, содержанокъ имѣть средствъ не имѣлъ, а проститутками гнушался и гнушаюсь. Въ такихъ условіяхъ, конечно, – какой выпадалъ женскій случай на счастье мое, тотъ и бралъ. Это понятно. А, если ты гувернантка, то блюди себя въ домѣ честно, любовника не заводи.

Этого сюрприза Вендль не выдержалъ. Онъ завизжалъ отъ восторга и сталъ кататься по кушеткѣ.

– Отче Симеоніе! Ты даже не подозреваешь, какъ ты великолѣпенъ.

А Симеонъ побѣдительно и властно говорилъ:

– Достаточно уже того скандала, что изъ нашего дома выпорхнула такая птаха, какъ Эмилиа Ѳедоровна Вельсь.

– За то какъ высоко взлетѣла-то! – замѣтилъ Вендль. – Сейчасъ передъ нею всѣ головы гнутся.

– Тѣмъ хуже, – оборвалъ Симеонъ. – Я человѣкъ нравственный. Мнѣ дѣвки вообще поганы. А ужъ когда не разобрать то-ли дѣвка, то-ли принцесса, – тутъ совсѣмъ съ души воротить.

– Какъ же ты у нея бываешь и сестрамъ бывать позволяешь?

– Дѣлами связанъ съ нею. Большими. Не позволю, – отомстить. Она вѣдь капризная. Деньгами не удивишь ее, – почтеніе подай. Ей это – что Аглая у нея бываетъ – дороже Каменнаго моста. Мнѣ, – конечно, претить... ножъ острый! Ну, да не надолго. Тутъ... – онъ замялся, спохватился, подозрительно взглянулъ, но вспомнилъ, что Вендль – это Вендль, и dokonчилъ:

– Тутъ... одни маленькіе счета кончить осталось... И аминь... Вамъ, madame, направо, намъ – налѣво... Конецъ!

III

Вендль собирался уѣзжать отъ Сарай-Бермятова и уже прощался, когда Марѳутка-Михрютка подала Симеону, вынутую изъ ящика, вечернюю почту. Газеты Симеонъ бросилъ на письменный столъ, а одинокое письмо въ розовомъ конвертикѣ вскрылъ... Прочиталъ и побурѣлъ отъ гнѣва...

– Что ты? – уставился на него Вендль, осторожно углубляясь горбомъ въ курьезный армякъ свой.

– Прочитай... – сквозь зубы буркнулъ Симеонъ, передавая листокъ нѣсколько дрожащею рукою.

– Стихи?!

– Анонимка – подлѣйшая... Это уже въ третій разъ.

– Ругаютъ?

– Да, не хвалятъ.

– Ишь! На ремингтонѣ!

Вендль, въ цилиндрѣ, читалъ, далеко предъ собою держа листокъ, потому что пэнснэ у него было сильное:

Честное созданье,
Душка Симеонъ.
Слямзилъ завѣщанье
Чуть не на миллионъ...

– Однако!

– Мерзавцы! – сказалъ Симеонъ и заходилъ по кабинету.

– Не обращай вниманія. Пустякъ. Въ порядкѣ вещей. Ты теперь богатый человѣкъ, а богатство возбуждаетъ злобу и зависть.

Симеонъ ходилъ по кабинету, молча, и видъ у него былъ не только гнѣвный, но и озабоченный...

– Нѣтъ, – вдругъ остановился онъ передъ Вендлемъ. – Такъ нельзя. Это не спроста. Тутъ что-то есть. Давеча – ты о клубскихъ слухахъ, теперь – анонимка. Если это Мерезовъ съ компаніей кутить и мутить, я выведу его на чистую воду...

– Охота волноваться изъ-за анонимнаго письма!

– Нѣтъ, нѣтъ. Я люблю видѣть свои карты ясно. Ну, ужъ и если...

Онъ выразительно тряхнулъ въ воздухѣ кулакомъ... Вендль сморщился и брезгливо разилъ:

– Только безъ горячки, мой другъ! безъ бури въ стаканѣ воды! И, въ особенности, безъ татарщины.

– Нѣтъ, ужъ прошу извиненія: характера своего мнѣ не мѣнять стать, – оторвалъ, на ходу раздраженный Симеонъ.

– Да дѣло-то выѣденнаго яйца не стоитъ. Прощай.

Симеонъ горько улыбнулся.

– Хорошо тебѣ успокаивать, когда въ наличномъ золотѣ родился, чистюлькою выросъ, борьбы за деньги не знавалъ... папенька твой, я полагаю, лучше понялъ бы меня.

– О, это несомнѣнно! – воскликнулъ Вендль, выходя. – Это несомнѣнно... Между нимъ и тобою есть несомнѣнное сходство. Я даже больше того скажу: когда ты давеча стоялъ около новаго шкафа своего и любовно его разсматривалъ, ты мнѣ ужасно напомнилъ чѣмъ-то неуло-

вимымъ почтеннаго моего покойника. Совершенно съ тѣмъ же выраженіемъ онъ любовался хорошими вещами, которыя оставались у него въ закладѣ... Еще разъ – *au revoir*.

Оставшись одинъ, Симеонъ долго сидѣлъ у письменнаго стола своего, гнѣвный и безмолвный, съ лицомъ мрачнымъ и тревожнымъ. Потомъ нажалъ пуговку электрическаго звонка и держалъ на ней палецъ, покуда не явилась Марѳутка.

– Епистимія здѣсь? – спросилъ онъ.

– На кухнѣ – барышнино платьѣ отчистила, теперь, стало быть, замываетъ.

– Отходить пятно?

– Уже отошло...

– Скажи ей: если кончила, – нужна мнѣ, пусть придетъ сюда.

Тѣмъ временемъ, въ угловой комнатѣ, куда бѣжали средніе братья отъ Симеоновой воркотни, было тихо. Модестъ, лежа на тахтѣ, опершись подбородкомъ на ладони, читалъ "Maison Philibert" Жана Лорена. Иванъ раскладывалъ на карточномъ столикѣ какой-то сложный пасьянсъ: онъ зналъ ихъ множество, былъ мастеръ этого дѣла и гордился тѣмъ, что самъ изобрѣлъ къ нѣкоторымъ какіе-то сложные варианты. Когда въ угловую вошелъ, быстрою, твердою, легкою походкою стройнаго оленя, самый младшій изъ братьевъ Сарай-Бермятовыхъ – Викторъ, Иванъ съ дружескою улыбкою закивалъ ему изъ-за пасьянса своего. Онъ уважалъ этого строгаго, не улыбающагося юношу, въ черной рабочей блузѣ, точно рясѣ аскетической, и немножко побаивался, такъ какъ чувствовалъ, что, обратно, Викторъ то нисколько его не уважаетъ, а ужъ къ любимцу его, Модесту – пожалуй, питаетъ чувство и поострѣе неуваженія.

Сегодня они еще не видались.

– Не знаете, граждане: братъ Симеонъ у себя? – спросилъ Викторъ, проходя мимо со спѣшнымъ и озабоченнымъ видомъ.

– А здороваться – упразднено? – насмѣшливо спросилъ съ тахты Модестъ, не отрывая глазъ отъ книги. Викторъ остановился.

– Здравствуйте и прощайте. Ёду.

Модестъ отложилъ книгу на столикъ, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что смѣшалъ Ивановъ пасьянсъ, перевернулся навзничъ, закинулъ руки подъ голову, а ноги поднялъ къ потолку и запѣлъ, нарочно гнуса въ носъ:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ.

Ахъ, будетъ-ли назадъ?

– Надолго исчезаешь?

– По возвращеніи увидимся, – холодно отвѣтилъ Викторъ.

– Весьма удовлетворительно. Далеко ѣдешь?

– Брату Матвѣю адресъ мой будетъ извѣстенъ.

– Въ высшей степени опредѣленно. Merci.

– Не за что.

– Это, вотъ, и называется у васъ конспираціей?

Викторъ поглядѣлъ на него.

– Нѣтъ, не это, – сказалъ онъ, послѣ минуты молчанія, когда Модестъ опустилъ глаза и, чтобы скрыть смущеніе, опять заболталъ ногами и завопилъ во все горло:

– Мальбругъ въ походъ поѣхалъ. Ахъ, будетъ-ли назадъ?

– Буду, сокровище, буду, – невольно усмѣхнулся Викторъ.

Модестъ, словно польщенный, что вызвалъ улыбку на лицѣ суроваго брата, опустилъ ноги, пересталъ орать и заговорилъ проникновеннымъ тономъ обычнаго ему глубокомысленнаго шутковства, въ которомъ всегда было трудно разобраться, гдѣ шутка разграничена съ серьезомъ.

– Люблю я внезапные отъезды твои. Приятно видѣть челоѣка, у котораго на лицѣ написано сознаніе, что, перемѣщаясь изъ города въ городъ, онъ творитъ какіе-то необыкновенно серьезные результаты.

Викторъ пожалъ плечами.

– Если дѣло ждетъ въ Москвѣ или Петербургѣ, полагаю, что напрасно сидѣть въ Одессѣ или Кіевѣ.

– Ерунда! – сказалъ Модестъ.

– Что ерунда? – удивился Викторъ.

– Москва, Кіевъ, Одесса. Всѣ города равны, какъ царство великаго звѣря.

– И всѣ – ерунда? – усмѣхнулся Викторъ.

А Модестъ закрылъ глаза и декламировалъ, будто пѣлъ:

– Города – бредъ. Ихъ нѣтъ. Вы только воображаете ихъ себѣ, но ихъ нѣтъ. Скверные, фальшивые призраки массовыхъ галлюцинацій. Въ городахъ правдивы только кладбища и публичные дома.

– То-то ты изъ этой правды не выходишь... – холодно замѣтилъ Викторъ.

– Господа! – съ тоскою вмѣшался Иванъ. – Неужели нельзя спорить, не оскорбляя другъ друга?

Но Модестъ надменно остановилъ его:

– Милѣйшій Жанъ Вальжанъ, не залѣзай въ чужое амплуа. Ты берешь тонъ всепрощающаго отрока, брата Матвѣя... Пора бы тебѣ знать, что оскорбить меня нельзя вообще, а Виктору это никогда не удастся въ особенности...

И, обратясь къ младшему брату, онъ подчеркнуто отчеканилъ съ тою же нарочною надменностью:

– Да, я люблю навью тропу между свѣжими могилами. Кресты навѣваютъ бредъ, и плиты журчатъ легендами плоти. Ты читаль у Крафтъ-Эбинга? Сержантъ Бернаръ выкапывалъ трупы юныхъ невѣстъ, чтобы любить ихъ.

– Завидуешь? – коротко спросилъ Викторъ. И Модестъ опять потерялся подъ прямымъ вопросомъ, какъ давеча, когда наивный Иванъ огорошилъ его простодушнымъ сомнѣніемъ, что онъ бьетъ Эмилию Ѳедоровну Вельсь.

– Я не рожденъ для дерзновеній дѣйствія, – сухо уклонился онъ, – но всѣ они обогнаны дерзновеніемъ моей мечты.

– Ломайся, братъ, ломайся, – съ такою же сухостью возразилъ Викторъ. – Ничѣмъ не рискуешь. Дерзновенія мечты въ этой области полиціей не воспрещены. Напротивъ.

– Если ты, Викторъ, ищешь Симеона, – сказалъ Иванъ, сидѣвшій, какъ на иголкахъ, – то онъ сейчасъ навѣрное у себя въ кабинетѣ. Къ нему, всего нѣсколько минутъ тому назадъ, прошла любезновѣрная Епистимія...

– Придется, значитъ, разстроить ихъ tête à tête и ее отъ Симеона выжить.

– Ахъ, пожалуйста! – громко подхватилъ Модестъ, вслѣдъ уходящему Виктору. – Пришли ее къ намъ. А я то думаю: чего мнѣ сегодня не достаетъ? Сказки! Пришли ее къ намъ.

– Можешь самъ позвать, если она тебѣ нужна, – сухо отозвался Викторъ, повернувъ къ двери Симеона.

– Не сомнѣвался въ твоей любезности, – заочно поклонился Модестъ. – Иванъ! Постой у двери, посторожи Епистимію, чтобы не пропустить, когда она пойдетъ отъ Симеона... Мы зазовемъ ее къ себѣ, и она будетъ рассказывать намъ русскія сказки. Никто другой въ мірѣ не знаетъ такихъ мерзкихъ русскихъ сказокъ, какъ Епистимія, и никто не умѣетъ ихъ такъ аппетитно рассказывать. Ей дано произносить самыя ужасныя слова съ такимъ ангельскимъ спокойствіемъ, что они расцвѣтаютъ въ ея устахъ, какъ... жабы! – расхохотался онъ. – Знаешь, Иванъ? Мы ляжемъ на тахту, потушимъ лампу, снимемъ сапоги, и она, Епистимія, въ темнотѣ, будетъ намъ, какъ древнимъ боярамъ, чесать пятки и рассказывать свои мерзкія сказки.

* * *

Уславъ Марфутку за Епистиміей, Симеонъ остался у стола и писалъ крупнымъ, размашистымъ почеркомъ своимъ разныя незначущія, отвѣтныя письма, пока въ дверь не постучались и – на окрикъ его:

– Можно! – вошла въ кабинетъ высокая, худошавая, немолодая женщина – какъ монашенка, въ темныхъ цвѣтахъ платья, теплаго сѣраго платка, покрывавшаго плечи, и косынки на гладко-причесанной русоволосой головѣ. Женщина эта производила странное впечатлѣніе: точно въ комнату вдвинулся высокій, узкій шкафъ или живой футляръ отъ длинныхъ стѣнныхъ часовъ. Все въ ней было какъ-то сжато, узко, стѣснено, точно она нѣсколько лѣтъ пролежала, въ видѣ закладки, въ толстой тяжелой книгѣ. А то серебряныя монеты, на рельсы положенныя, расплющиваются поѣздомъ въ такую длинную, вытянутую, тонкую, пронзительную полосу.

– Спрашивали? – произнесла она тихимъ голосомъ, держа опущенными богатыя темныя рѣсницы, единственную красоту своего пожилого, увядшаго, блѣднаго, съ лезвіеподобнымъ носомъ, лица. Эта монашенская манера, держать глаза свои скрытыми подъ рѣсницами и опущенными долу, придавала испытимъ, тощимъ чертамъ женщины характеръ какой-то лживой иконописности.

– Да, – хмуро отозвался, дописывая страницу, Симеонъ. – Очень радъ, что ты еще не ушла. Запри дверь, Епистимія, чтобы намъ не помѣшали. И садись. Поближе. Вотъ сюда.

Епистимія весьма свободно заняла мѣсто въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ только что передъ тѣмъ тонулъ горбатый Вендль, и ждала, сидя, подъ темносѣрымъ платкомъ своимъ, прямо, тонко, точно ее перпендикулярнымъ стальнымъ шестомъ водрузили на плоскости кресла для опытовъ какихъ-нибудь, и – чтобы не отсырѣлъ аппаратъ – окутали его матеріей. Симеонъ кончилъ письмо и вложилъ его въ конвертъ... Епистимія видѣла, что онъ волнуется и не случайно, а нарочно избѣгаетъ смотрѣть на нее. Легкая улыбка скользнула по ея синеватымъ, отжившимъ, въ ниточку сжатымъ, губамъ.

– Да... такъ вотъ видишь ли, – заговорилъ Симеонъ, все такъ же не глядя въ ея сторону, – видишь ли...

– Покуда, ничего не вижу, – возразила женщина.

Тогда Симеонъ разсердился, побурѣлъ лицомъ и отрубилъ съ грубымъ вызовомъ:

– По городу въ трубы трубятъ, будто мы съ тобою украли завѣщаніе, которое дядя оставилъ въ пользу Васьки Мерезова.

Въ иконописномъ лицѣ не дрогнула ни одна жилка. Епистимія чуть поправила блѣдною, узкою, точно нерасправленная лайковая перчатка, рукою темносѣрый платокъ на острыхъ плечахъ своихъ и спросила:

– Такъ что же?

– Я не краль, – проворчалъ Симеонъ, продолжая избѣгать взглядомъ лица ея, и наклеилъ марку на конвертъ.

Епистимія улыбнулась, задрожавъ острымъ подбородкомъ.

– Значить, вамъ не о чемъ и беспокоиться, – сказала она. – Кто воръ, того и печаль.

Но Симеонъ ударилъ ладонью по столу.

– А сплетня откуда? – вскричалъ онъ.

Епистимія равнодушно завернулась въ платокъ свой.

– Почему я могу знать? – сказала она. – Не отъ меня.

Теперь Симеонъ ей прямо въ лицо – грозно, пристально смотрѣлъ, вертя въ рукѣ тяжелую ясеневую линейку. Ни взоръ этотъ, ни жестъ, откровенно злобный, о большомъ, сдержанномъ гнѣвѣ говорящій, не отразились, однако, на женщинѣ въ платкѣ какимъ либо замѣтнымъ впечатлѣніемъ.

– Горе тебѣ, если ты продала меня врагамъ моимъ, – съ удушьемъ въ голосъ произнесъ Симеонъ.

Епистимія подняла рѣсницы и показала на мгновеніе глаза, неожиданно прекрасные, глубокіе глаза, голубые, какъ горныя озера. Странно было видѣть ихъ на этомъ нездоровомъ, изношенномъ лицѣ плутоватой мѣщанской ханжи.

– Если бы я васъ продала, – мягко и учительно, какъ старшая сестра мальчику-брату, сказала она, – такъ теперь здѣсь хозяиномъ былъ бы Мerezовъ, а, покуда, Богъ миловаль: владѣете вы.

Симеонъ порывисто всталъ отъ стола.

– Вотъ этимъ словомъ своимъ – "покуда" – ты изъ меня жилы тянешь.

Епистимія опустила рѣсницы. Губы ея опять тронула улыбка.

– Все на свѣтъ – "покуда". Одинъ Богъ, говорятъ, вѣченъ, а, что отъ человѣчества – все пройдетъ.

Симеонъ ходилъ, кружась по комнатѣ съ видомъ человѣка, не рѣшающагося выговорить то главное, для чего онъ началъ разговоръ. Наконецъ, остановился предъ Епистиміей, со сложенными на груди руками.

– Не могу я больше пытки этой терпѣть, – глухо сказалъ онъ. – Завѣщаніе должно быть въ моихъ рукахъ.

Женщина въ платкѣ промолчала.

– Слышала? – гнѣвно прикрикнулъ Симеонъ.

Она не подняла рѣсницъ и не измѣнила выраженія лица, когда отвѣчала:

– Копію вы имѣли, а подлинникъ мнѣ самой нуженъ.

Симеонъ, стоя предъ нею, ударилъ себя ладонью въ грудь и заговорилъ, убѣждая, быстро, порывисто:

– Сплетня плыветъ, Мerezовъ въ городѣ... пойми ты! пойми!.. Вѣдь мы на ниточкѣ висимъ. Стоитъ прокурорскому надзору прислушаться, – и аминь... Сыскъ...Слѣдствіе... Судь... Пойми!

– Не пугайте, – холодно возразила Епистимія, – не вчера изъ деревни пріѣхала.

А онъ грозилъ ей пальцемъ и голосомъ:

– Пойдешь, за сокрытіе завѣщанія, куда Макаръ телять не гонялъ.

Епистимія, подъ платкомъ своимъ, передернула острыми плечами.

– Какое мое сокрытіе? – все тѣмъ же ровнымъ тономъ сказала она. – Документъ понимать я не могу. И грамотѣ то едва смыслу. Велѣлъ мнѣ покойный баринъ бумагу хранить, – я и храню, покуда начальство спросить.

Симеонъ даже ногою топнулъ.

– Опять – покуда! Дьяволъ ты жизни моей!

Епистимія продолжала тихо и ровно:

– Кабы еще я въ вашемъ, нынѣшнемъ завѣщаніи хоть въ рублѣ. помянута была. А то напротивъ. По той, мерезовской, бумагѣ покойникъ мнѣ тысячу рублей награжденія отписалъ, а я, дуреха, и понять того не смогла, – не предъявляю. Это и слѣпые присяжные разобрать должны, что моей корысти скрывать тутъ не было ни на копейку.

Горько и притворно засмѣялся Симеонъ:

– Что тебѣ теперь тысяча рублей, когда ты съ меня, что захочешь, то и снимешь!

Епистимія освѣтила его таинственными огнями голубыхъ очей своихъ.

– Я, покуда, ничего не просила, – тихо и почти съ упрекомъ произнесла она.

Но Симеонъ уже не слушалъ. Онъ кружился по кабинету и съ укоромъ твердилъ:

– Такъ я тебѣ довѣрялъ, а ты мнѣ ловушку устроила!

Епистимія слегка пошевелилась въ оболочкѣ платка, и что то вродѣ блѣдной краски проступило на доскообразныхъ плоскихъ щекахъ ея.

– Что я могла противорѣчить, если покойный баринъ велѣлъ? Благодарите Бога, что съ нотариусомъ такъ счастливо обладилось... Паче всякаго чаянія повезло вамъ въ этомъ дѣлѣ. Другой полну душу грѣха наберетъ, а нарочно того не устроить, какъ вамъ отъ судьбы задаромъ досталось. Нотариуса нѣту: застрѣлился. Книгъ его нѣту: сгорѣли. Иначе нотаріальнаго-то завѣщанія скрыть нельзя было бы, развѣ что съ нотариусомъ въ сдѣлку войти. А это все равно, что къ себѣ кровососную піявку припустить бы... шантажъ на всю жизнь...

– Любопытно это изъ твоихъ добродѣтельныхъ устъ слышать, когда ты шантажомъ возмущаешься!

– Я шантажничать противъ васъ не собираюсь, а нотариусъ этотъ, Ѳедоръ Ивановичъ покойникъ, выпилъ бы изъ васъ кровь... съ нимъ не по моему подѣлиться пришлось бы...

– А свидѣтели? – отрывисто бросилъ ей, шагая, Симеонъ.

– Вы же знаете. Сродственники мои. Темные люди. Подписали, гдѣ я пальцемъ показала, а что – имъ и невдомекъ. Свидѣтелей не бойтесь. Спроведила ихъ отсюда. Въ дальнихъ губерніяхъ на мѣстахъ живутъ.

– Гдѣ? – быстро спросилъ Симеонъ, рассчитывая внезапно вызвать отвѣтъ.

Но Епистимія разсмѣялась.

– Да, ловки вы больно! Глупа была сказать!

– Змѣя ты, змѣя!

Отвернулся отъ нея Симеонъ, – прошелъ, качая головою, къ возлюбленному шкафу своему и припалъ къ его прохладному, полированному дереву. А Епистимія ласково и поучительно говорила:

– Вы бы лучше змѣѣ-то спасибо сказали, что она къ этому дѣлу чужого глаза не подпустила. Теперь, что ни есть грѣха, весь – промежъ насъ двоихъ.

Симеонъ утомленнымъ жестомъ остановилъ ее.

– Хорошо. Довольно. Сколько?

– Чего это? – вскинула она на него озерными глазами своими.

– Говорю тебѣ: я усталъ, не могу больше. Давай торговаться. Объяви свою цѣну: за сколько продашь документъ?

Епистимія обиженно поджала губы.

– Боже мой, сохрани, чтобы я вашими деньгами покорыстовалась. Когда вы меня интересанкою знали?

– Тогда изъ за чего же ты меня терзаешь? Въ чемъ твой расчетъ? Объяви свой расчетъ...

– Придетъ время, – говорила Епистимія мягко и дружелюбно, – я вашу бумагу сама уничтожу и пепель въ рѣчку пушу.

– Говори свой расчетъ! – нетерпѣливо повторилъ Симеонъ.

Епистимія смотрѣла на него съ задумчивымъ любопытствомъ.

– Маленько рано: не вызрѣло мое дѣло, о которомъ я собираюсь просить васъ, – вздохнула она. – Не знаю только, захотите-ли...

– Говори свой расчетъ.

– Да... что же? Я, пожалуй... – мялась Епистимія, все плотнѣе обертываясь платкомъ, такъ что стала похожа на какое-то экзотическое растеніе, закутанное для зимовки подъ открытымъ небомъ. – Конечно, прежде времени это, лучше бы обождать, но, уже если вы меня такъ дергаете, я, пожалуй...

– Долго ты намѣрена изъ меня жилы тянуть?

Она зорко взглянула на него и, перемѣнивъ тонъ, произнесла тономъ условія строгаго, непреложнаго, внушительнаго:

– Только, Симеонъ Викторовичъ, заранѣе уговоръ: безъ скандаловъ. Буйство ваше мнѣ довольно извѣстно. Если дадите мнѣ слово, что безъ скандала, – скажу. Если нѣтъ, лучше помолчу до своего времени. Мнѣ спѣшить некуда, надъ нами не каплетъ.

– Хорошо, должно быть, твое условие, – злобно усмѣхнулся блѣдный Симеонъ. – Въ когтяхъ меня, какъ раба плѣннаго, держишь, а вымолвить не смѣешь и – зеленая вся...

– Даете слово?

– Даю... Постой... Кто тамъ? – насторожился Симеонъ, потому что въ корридорѣ шумѣли быстрые, твердые шаги, и затѣмъ такая же быстрая рука ударила въ дверь короткимъ и властнымъ стукомъ. Голосъ молодой, нетерпѣливый и яркій, тоже съ властною окраской и, должно быть, очень похожій на голосъ Симеона въ молодости, отвѣчалъ:

– Это я, Викторъ. Къ тебѣ по дѣлу. Потрудись отворить.

– Я не одинъ и занять.

– Очень сожалѣю и извиняюсь, но не могу ждать.

– Приходи черезъ полчаса, Викторъ.

– Не имѣю въ своемъ распоряженіи даже пяти минутъ свободныхъ. Будь любезенъ отворить.

– Да почему? Что за спѣхъ внезапный?

– Когда ты меняпустишь, это будетъ тебѣ изложено,

Симеонъ бросилъ досадливый взглядъ на Епистимію, которая поднялась съ кресла, драпируясь въ платкѣ своемъ, какъ высохшая темно-сѣрая огромная ночная бабочка:

– Я пойду ужъ, Симеонъ Викторовичъ? – вопросительно сказала она.

– Да... Нечего дѣлать... Сейчасъ, Викторъ! не барабань!.. Только ты, сударыня, не вздумай домой уйти... Мы съ тобой должны этотъ разговоръ кончить... Сейчасъ, Викторъ!.. Я этого сударя быстро отпущу... Ну, входи, Викторъ. Что тебѣ?

Теперь, когда братья стояли другъ противъ друга въ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, съ яркостью рисовалось все ихъ разительное родовое сходство при совершенномъ несходствѣ индивидуальномъ. Викторъ, угрюмый лобастый юноша, съ глазами – какъ подъ навѣсомъ, былъ на полъ-головы выше старшаго брата и, въ противоположность послѣднему, совершенно некрасивъ собою. Но, вглядываясь, легко было замѣтить, что его некрасивость обусловлена исключительно свѣтлою окраскою волосъ, темно-синимъ отсвѣтомъ глазъ и мягкимъ славянскимъ тономъ бѣлой кожи, не идущимъ къ сухому, слегка татарскому, скуластому складу сарай-бермятовской семьи. Если бы выкрасить Виктору волосы въ черный цвѣтъ и подгримировать лицо желтыми тонами, то лишь болѣе высокій ростъ, да тонкая юношеская стройность отличали бы его отъ Симеона; и, пожалуй, лишь здоровая энергія взгляда и движеній, отсутствіе темныхъ круговъ около глазъ и безпокойнаго испуганнаго непостоянства, и подозрительнаго блеска въ самыхъ глазахъ, – отличали бы отъ Модеста. Старшій братъ теперь, стоя у новаго шкафа краснаго дерева, хмуро соображалъ это жуткое сходство и сердито удивлялся ему. Когда Симеонъ и Викторъ были такъ близко и смотрѣли оба въ упоръ, не надо было быть ясновидящимъ или особенно чуткимъ психологомъ, чтобы понять, что между этими братьями категорическою раздѣльною полосою лежитъ чувство взаимной непріязни, гораздо болѣе глубокой и острой, чѣмъ простое нерасположеніе; что здѣсь лишь съ грѣхомъ пополамъ облечены въ сдерживающія условныя формы родственнаго общежитія силы очень злой ненависти съ одной стороны – старшей и рѣшительнаго презрѣнія съ другой – младшей.

– Еще разъ извиняюсь, что пришлось такъ вороваться къ тебѣ, – заговорилъ Викторъ.

– Да, – угрюмо возразилъ Симеонъ. – Не могу сказать, чтобы это было деликатно. Ты помѣшалъ дѣловому разговору, который для меня и важень, и спѣшенъ...

– Епистимію Сидоровну ты можешь пригласить къ себѣ по сосѣдству, когда тебѣ угодно, тогда какъ я сегодня, въ ночь, уѣзжаю.

– Что надо? – хмуро и брезгливо началъ Симеонъ, какъ скоро Епистимія, покорно и превеличенно согнувшись, со смиреннымъ видомъ безотказно подчиненнаго человѣка, исчезла за дверь въ корридоръ.

Викторъ отвѣтилъ:

- Денегъ.
- Сколько?
- Все

Симеонъ вскинулъ на него недоумѣвающіе глаза.

- То-есть?.. Не понимаю... объяснись.

- Все, что осталось мнѣ получить съ тебя по дядюшкиному наслѣдству.

Прошла минута тяжелаго молчанія. Симеонъ возвысилъ голосъ, стараясь быть насмѣшливымъ:

- Ты трезвый?
- Какъ тебѣ извѣстно, я не пью, – холодно возразилъ Викторъ.
- Такъ бѣлены обѣлся! – горячо вскрикнулъ Симеонъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.